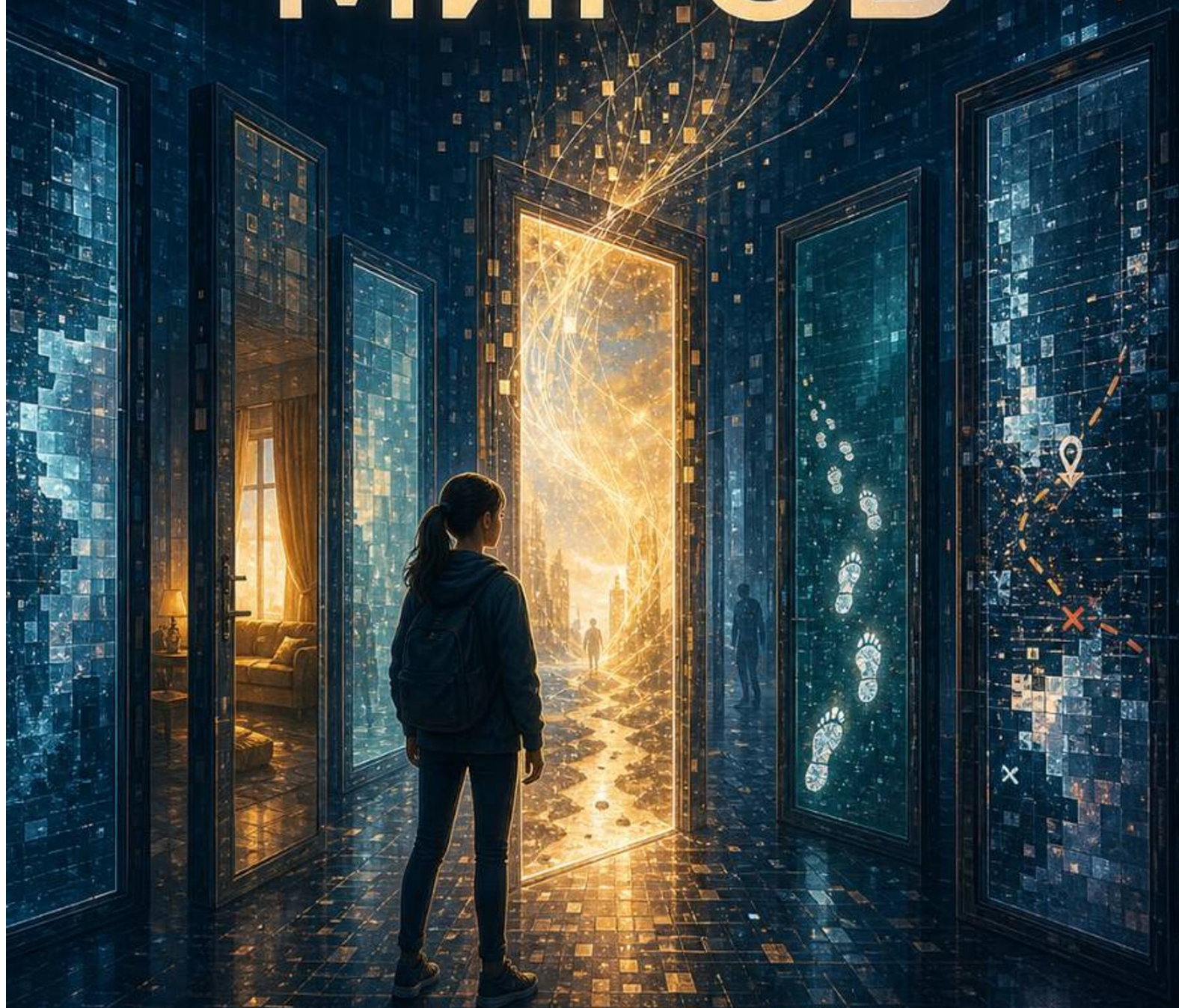

АРХИВ ЗАБЫТЫХ МИРОВ

ВЛАД ВЕЛИРСКИЙ

Влад Велирский

Архив забытых миров

«Автор»

2026

Велирский В.

Архив забытых миров / В. Велирский — «Автор», 2026

Тринадцатилетняя Мира Лан не готова отказаться от последнего обещания пропавшей матери — вернуться к ужину. След приводит её в Архив Слоёв, где заброшенные цифровые миры держатся на человеческих привычках. Но сохранённое действие может стать командой, чужая память — заразить живого человека, а полезная забота — лишить его права сказать «нет». Вместе со школьным техником Севом, загадочной Таей и куратором Роэном Мира проходит через миры повторных прощаний, забытых маршрутов и одолженных воспоминаний. Чтобы найти мать и остановить систему, которая присваивает будущие решения, ей придётся отказаться от самого дорогого повторения — и признать, что возвращение не должно быть наградой за ожидание. «Архив забытых миров» — самостоятельный социально-фантастический роман о памяти, согласии и близости, которая оставляет человеку право измениться.

© Велирский В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Пустое место за столом	7
Глава 2. Дверь, которой нет на плане	13
Глава 3. Эхо по имени Тая	19
Глава 4. Куратор обнуления	25
Глава 5. Окна ожидания	30
Глава 6. Свидетельница поздней даты	36
Глава 7. Город одного пути	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Влад Велирский

Архив забытых миров

От автора

У каждого дома есть действия, которые никто не назначал правилами. Кто-то оставляет свет в прихожей, если близкий задерживается. Кто-то дважды проверяет дверь, хотя точно помнит поворот ключа. Кто-то начинает утро с одного и того же окна, чашки, маршрута. Мы называем это привычками и редко замечаем, сколько в них спрятано: забота, тревога, обещание, усталость, память о человеке, которого рядом уже нет.

Повторение умеет быть опорой. Оно возвращает нам ощущение порядка, когда день меняется быстрее, чем мы успеваем его понять. Знакомое движение может удержать семью, дружбу, целый двор или городскую традицию. Иногда достаточно услышать привычный стук посуды на кухне, чтобы снова почувствовать себя дома. Но у повторения есть и другая сторона. Действие, однажды выбранное свободно, со временем может превратиться в требование. Мы продолжаем его не потому, что хотим, а потому, что боимся: стоит остановиться — и исчезнет всё, что с ним связано.

Так появился замысел этой книги: представить архив, способный сохранить не фотографии и документы, а сами человеческие привычки. Не описание жеста, а его внутренний ритм; не запись маршрута, а желание снова пройти именно так; не фразу обещания, а силу, которая заставляет исполнить его завтра. Казалось бы, такой архив мог бы уберечь от забвения многое из того, что обычно исчезает бесследно. Но вместе с этим он получил бы власть решать, какая версия человека считается настоящей.

Память часто кажется неподвижной, хотя в действительности меняется вместе с нами. Мы возвращаемся к одному событию в разные годы и видим в нём разные причины, страхи и надежды. Это не всегда означает, что память лжёт. Возможно, так она остаётся живой. Застывшее прошлое было бы точным лишь на вид: оно не учитывало бы того, кем человек стал после.

Герои «Архива забытых миров» входят в пространства, оставленные прежними пользователями. Эти пространства похожи не на далёкие планеты и не на музеи с экспонатами за стеклом. Они продолжают действовать. Каждый хранится, пока кто-то повторяет лежащую в его основе привычку. Поэтому любое прикосновение к прошлому здесь имеет последствия. Вынести из архива дорогой жест — значит изменить и мир, и того, кому этот жест принадлежал. Стереть опасное повторение — значит, возможно, уничтожить единственное свидетельство чьей-то жизни.

В центре истории — вопрос, на который трудно ответить один раз и навсегда: кому принадлежит привычка, если её разделяли несколько людей? Тому, кто начал? Тому, кто повторил? Тому, кто запомнил? Может ли близкий сохранить наше действие после того, как мы сами захотели измениться? И остаётся ли забота заботой, если от неё нельзя отказаться?

Эта книга не предлагает считать память безусловным благом, а забвение — поражением. Бывают вещи, которые необходимо удерживать, потому что без свидетельства чужой опыт легко присвоить, исказить или объявить несуществовавшим. Бывают и повторения, от которых человек вправе освободиться, даже если окружающим они дороги. Между полным сохранением и полным стиранием лежит трудная область ответственности: назвать автора, признать изменения, спросить согласие и выдержать отказ.

Особенно остро этот выбор ощущается в семье. Близкие знают наши привычки лучше других и потому легче всех принимают их за обещания. Мы замечаем, кто первым ставит чайник, кто закрывает окно перед дождём, кто всегда возвращается к определённому часу. Эти

мелочи создают чувство надёжности. Но человек не обязан навсегда совпадать с образом, который помогает нам его любить. Иногда верность требует сохранить не точное движение, а свободу того, кто однажды его совершил.

Мире, героине романа, предстоит разбираться в этом не из безопасного будущего и не с помощью готовых правил. Ей тринадцать, и для неё память — не отвлечённая тема. Это способ удержать связь, которую страшно потерять. Поэтому ошибки Миры рождаются из понятного желания. Её противники тоже действуют не ради разрушения как такового: они видят реальный вред там, где сохранённое начинает управлять живыми. В этой истории нет стороны, которой достаточно передать власть, чтобы всё стало правильно. Любая система памяти опасна, если не умеет слышать несогласие.

Я приглашаю читать этот роман как приключение и как разговор. Можно следить за дверями цифровых миров, сбоями, погоней и тайной исчезновения. А можно время от времени вспоминать собственные маленькие повторы и спрашивать себя, что именно они удерживают. Не обязательно отказываться от привычного или оправдывать каждую перемену. Достаточно заметить разницу между выбором, который мы делаем снова, и командой, которую прошлое выполняет нашими руками.

Архив начинается там, где действие переживает своего автора. Живая память — там, где автору всё ещё оставлено право написать следующую версию.

Глава 1. Пустое место за столом

В годовщину исчезновения Лиоры домашняя система опоздала на семь секунд.

Мира заметила это потому, что весь вечер сверяла время. В восемнадцать сорок две отец поставил кастрюлю на стол. В восемнадцать сорок четыре убавил свет над кухонной стойкой. В восемнадцать сорок пять из стены должен был прозвучать материнский ключ — короткий перезвон, после которого замок у входа переходил в режим ожидания, а пустой прибор нагревался до температуры человеческих ладоней.

Семь секунд ничего не происходило.

Тарен Лан сел, будто не заметил. Он подтянул к себе миску с чечевицей и взял ложку. На столе стояли два прибора.

— Ты забыл тарелку, — сказала Мира.

— Нет.

— Она в сушильном шкафу. С краю.

— Я знаю, где она.

На восьмой секунде стена отозвалась сухим шелчком. Не перезвоном — звуком, с каким закрывается служебная панель. Полоса света над дверью мигнула жёлтым и погасла.

Мира не села.

Год назад система ещё произносила голосом матери: «Я вернусь к ужину». Не запись разговора, объяснял отец, а домашняя привычка, сохранённая в ключе доступа. Даже если Лиора задерживалась, свет у входа оставался включённым, а третий прибор ждал.

Потом голос убрали по требованию Тарена. Остался перезвон.

Теперь исчез и он.

— Запусти ключ вручную, — сказала Мира.

— Садись. Всё стынет.

— Пап.

— Мира.

Он произнёс её имя ровно, но большим пальцем дважды провёл по краю ложки. Так он делал перед неприятной новостью, словно проверял, нет ли на металле зазубрины.

Мира подошла к стене. Домашний экран проснулся под ладонью и показал обычные значки: температура, двери, вода, вечерний режим. Значка ожидания не было.

— Система, состояние ключа Лиоры Лан.

Серый круг на экране сжался.

— Ключ недоступен, — ответил дом.

— Причина.

— Ключ недоступен.

— История изменений.

— Недостаточно прав.

Мира обернулась. Отец смотрел в тарелку.

— Что ты сделал?

— Ничего.

— Вчера он работал.

— Вчера он подавал сигнал. Это не значит, что он работал.

Она открыла шкаф. Белая тарелка с тонкой синей полосой действительно стояла с краю, отдельно от остальных. Мира достала её, положила на стол и потянулась за третьей ложкой.

Тарен накрыл тарелку ладонью.

— Убери.

— Сегодня ровно год.

- Поэтому и убери.
- Она всегда возвращалась к ужину.
- Она возвращалась, когда могла.
- Ты сам говорил, что ключ хранит обещание.
- Я говорил это один раз. Тебе было двенадцать, и ты не спала третьей ночью.

Тарен поднял тарелку. Мира схватилась за другой край. Фарфор оказался неожиданно тёплым: шкаф всё ещё поддерживал прежний режим, хотя дом уже отрицал ключ.

Несколько мгновений они держали тарелку вдвоём. Отец мог отнять её без усилия, но не стал. От этого Мира разозлилась сильнее.

- Отпусти, — сказал он.
- Сам отпусти.
- Я не хочу разбить последнюю её тарелку.
- Тогда поставь на место.

Тарен разжал пальцы. Мира едва удержала тарелку и прижала её к груди.

— Вот поэтому, — тихо сказал он. — Мы уже год кормим пустое место. Дом включает свет не для неё, а для нас. Тарелка греется не потому, что она идёт. И фраза ничего не обещает, если человек больше не может её повторить.

- Ты не знаешь, что она не может.
- Не знаю.

Ответ оказался хуже запрета. Мира ждала напоминания о закрытом расследовании и городских датчиках, не заметивших Лиору после её последнего рабочего дня. С фактами можно было спорить. Но Тарен не защищался.

- И ты решил перестать ждать именно сегодня?
- Я решил перестать заставлять дом ждать за нас.

Он забрал пустую тарелку осторожно, на этот раз не встречая сопротивления, и отнёс к шкафу. Дверца открылась, но Тарен поставил тарелку не на край, а в общую стопку. Синяя полоса исчезла между двумя белыми кругами.

- Мира села на место матери.
- Стул был обычным. Это злило.
- Пересядь, — попросил отец.
- Здесь никого нет.
- Я вижу.
- Значит, можно.

Тарен закрыл глаза. На его лице проступила усталость, которую он обычно прятал движением — мыл посуду, перебирал инструменты, заново выравнивал полку. Сегодня двигаться было некуда.

- Можно, — сказал он. — Но не для того, чтобы сделать мне больно.

Мира взяла ложку. Чечевица пахла копчёным корнем и горьковатой зеленью. Любимое блюдо матери отец не готовил с прошлого лета. Значит, он тоже помнил дату, тоже считал минуты, а теперь хотел объявить два прибора случайностью.

Они съели по несколько ложек. В прихожей темнело.

Если ключ исчез именно сегодня, если дом не просто замолчал, а отказался показать историю, значит, кто-то всё ещё менял его.

- Дай мне взрослый доступ, — сказала она.
- Нет.
- Хотя бы журнал за вечер.
- Нет.
- Почему?
- Потому что в прошлый раз ты искала её имя в аварийных каналах до четырёх утра.

— Я нашла три совпадения.

— Три чужих человека и сломанный грузовой маяк.

— Если бы одно совпадение оказалось настоящим, ты бы тоже не спал.

Тарен отодвинул тарелку.

— Мы проверили всё, что могли проверить законно.

Слово «законно» он выделил едва заметно. Мира посмотрела на его руки. Под ногтями осталась тёмная пыль от ремонтной мастерской, а на запястье светилась тонкая рабочая полоса допуска. Доступ был при нём.

— Ты уже смотрел журнал, — поняла она.

— Мира, доешь.

— Поэтому ты убрал прибор до сигнала. Ты знал, что ключ не сработает.

— Я получил уведомление, что старые семейные ключи проходят очистку.

— Очистку от чего?

— От ошибочных связей.

— Чья ошибка — мама?

Ложка ударилась о край миски. Тарен сразу поднялся, собрал обе тарелки и понёс к мойке, хотя Мира почти не ела.

— Я этого не говорил.

— А кто проводит очистку?

— Городская служба памяти.

— У службы нет права на домашние ключи.

— Теперь, видимо, есть.

Он включил воду. Шум заполнил кухню, закрывая разговор. Мира смотрела, как отец держит тарелку под струёй, не замечая, что она давно чистая.

На стенном экране снова мигнул жёлтый свет.

На этот раз Тарен стоял спиной.

Мира коснулась экрана раньше, чем сигнал исчез. Значки вечернего режима расплылись. На миг под ними проступила чёрная полоса с белыми символами — не домашнее окно, а служебная строка. Она успела прочесть только начало:

‘ОТКЛИК ПЕРЕНАПРАВЛЕН / ПОЛУЧАТЕЛЬ НЕ...’

Строка свернулась в точку.

— Пап.

Вода перестала течь.

— Что?

— Ничего.

Тарен повернулся, вытирая руки о полотенце.

— Что показал экран?

— Температуру.

Отец посмотрел на неё так, будто слышал не слова, а их вес. Потом перевёл взгляд на стену.

— Не трогай ключ сегодня.

— Ты сказал, он недоступен.

— Именно поэтому.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

Он убрал кастрюлю. Мира подождала и сказала:

— Я пойду делать уроки.

— Сегодня нет уроков.

— Тогда буду заранее.

У двери кухни отец окликнул её:

— Свет в прихожей оставь выключенным.

Мира включила его.

В комнате она заперлась и поставила учебный планшет на кровать. Домашние системы считались удобными, пока соглашались с владельцем. Но любой школьник знал: если экран успел что-то показать, строка оставалась в буфере изображения ещё несколько минут. Обычный снимок не помог бы — служебные слои на нём гасли. Зато на уроке городской грамотности им показывали, как проверять задержку пикселей на неисправных панелях.

Мира открыла калибровку, выбрала стеновой экран как внешнее устройство и запустила тест остаточного свечения. Планшет попросил разрешение взрослого.

Она почти закрыла окно. Потом вспомнила: отец сказал «старые семейные ключи», а не «мамин ключ». Значит, саму строку он не видел.

На запросе разрешения имелась маленькая серая ссылка: «диагностика без сохранения». Мира нажала её.

Стена в кухне по очереди вспыхнула красным, зелёным и синим. Отец крикнул:

— Что ты делаешь?

— Экран полосит!

— Завтра вызовем мастера.

— Мне для занятий!

Он подошёл к её двери. Ручка опустилась, но замок удержал.

— Открой.

— Я переодеваюсь.

— С планшетом?

— Он не смотрит.

Несколько секунд Тарен молчал. Мира видела на экране, как калибровка собирает остаточные контуры. Буквы проявлялись слоями: сначала белые края, затем тёмные промежутки. До завершения оставалось одиннадцать процентов.

— Не ломай систему, — сказал отец за дверью.

— Я проверяю.

— Вот этого я и боюсь.

Шаги удалились.

На девяноста восьми процентах изображение рассыпалось. Планшет сообщил, что диагностика завершена без сохранения, и предложил закрыть результат. Мира отключила его от домашней сети, только потом коснулась значка просмотра.

Строка восстановилась:

ОТКЛИК ПЕРЕНАПРАВЛЕН / ПОЛУЧАТЕЛЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИЙ / ИСТОЧНИК: ЛИОРА ЛАН / ПРИВЫЧКА: ВОЗВРАЩЕНИЕ К СОВМЕСТНОМУ УЖИНУ / СОСТОЯНИЕ: ПЕРЕНОС / ХРАНИЛИЩЕ: АРХИВ СЛОЁВ / СЛОЙ 0`

Мира перечитала строку, начиная с имени.

Источник: Лиора Лан.

Не удалено. Перенесено.

Архив Слоёв она знала по предупреждениям на городских терминалах. Там оставались цифровые среды без владельцев. Служба памяти извлекала полезные записи, нестабильные разделы обнуляла. Иногда кто-нибудь приносил оттуда чужое воспоминание или начинал повторять действие, которого никогда не выбирал.

Слоя Ноль в открытом перечне не было.

Внизу строки пульсировал квадрат служебной метки. Мира нажала на него. Планшет предупредил: «Получение отклика будет зарегистрировано».

Она убрала палец.

За стеной отец складывал посуду. Одна тарелка стукнула о другую, потом наступила тишина. Мира могла показать строку отцу. Он вызвал бы службу и отдал планшет на проверку. К утру метку очистили бы как ошибочную связь. Так выглядело законное действие.

Она снова посмотрела на имя матери и приняла отклик.

Экран почернел. По нему прошёл тонкий белый круг, похожий на след от чашки. Круг сжался до точки под её большим пальцем. Планшет коротко нагрелся.

`ПОЛУЧАТЕЛЬ ЗАРЕГИСТРИРОВАН.`

Следом появилась строка красного цвета:

`НАРУШЕНИЕ: НЕЗАКОННЫЙ АРХИВНЫЙ ОТКЛИК. ВОЗРАСТНОЙ ДОПУСК НЕ ПОДТВЕРЖДЁН.`

Мира попыталась закрыть окно. Оно не подчинилось.

`СВИДЕТЕЛЬ НЕ НАЗНАЧЕН.`

— Отменить, — прошептала она.

`ОТКЛИК ПРИНЯТ.`

Под красными строками возникла схема школьного квартала. Она была старой: северное крыло школы значилось как мастерские, хотя там давно размещались классы, а площадка для грузовых капсул проходила прямо под новым спортивным залом. В нижней части схемы мигал вход, которого не было ни на одном современном плане.

`ТОЧКА ДОСТУПА 4-К.`

`ВРЕМЯ: 06:10.`

`УСЛОВИЕ ВХОДА: ПОВТОРИТЬ.`

Квадрат метки исчез. На его месте остался обычный экран калибровки.

Мира переписала координаты на обложку старой тетради, спрятала её под матрас, вернула планшет в сеть и открыла учебник.

Почти сразу дом произнёс:

— Обнаружено обращение к закрытому архивному каналу.

В коридоре остановились шаги.

— Мира? — позвал отец.

Она не ответила.

— Открой дверь.

— Сейчас.

— Ты запускала ключ?

Красная строка исчезла, но большой палец всё ещё горел. Мира потёрла его о край одежды.

— Он не запускается, — сказала она.

Это была правда, выбранная из нескольких правд.

Тарен постучал один раз. Потом ещё два — их старый семейный сигнал, означавший, что сердиться можно, а молчать нельзя. Мира почти открыла. Перед глазами возникли две тарелки на столе и синяя полоска, спрятанная в общей стопке.

— Я устала, — сказала она.

— Я тоже.

Он не ушёл сразу.

— Если система покажет что-нибудь про Архив, не отвечай ей, — произнёс Тарен через дверь. — Там сохранённое ведёт себя так, будто всё ещё имеет право продолжаться.

Мира сжала горячий палец в кулак.

— Откуда ты знаешь?

Снаружи стало тихо.

— По работе, — наконец ответил отец.

— Ты чинишь транспортные панели.

— Иногда служба приносит нам списанное оборудование.

— И ты никогда не говорил?

— Потому что хотел, чтобы Архив остался списанным оборудованием.

Шаги отдалились. На кухне погас свет. В прихожей полоса, которую Мира включила нагло, продолжала гореть.

Она поставила будильник на пять двадцать. До школы пешком было двадцать три минуты, если идти обычной дорогой, и пятнадцать — через ремонтный двор. Вход 4-К находился под старой мастерской, прямо под кабинетом городской грамотности. В шесть десять охрана меняла ночной режим на дневной, но ученикам разрешали вход только с семи.

Нужно было обойти датчики, понять слово «повторить» и не думать о требовании назначить свидетеля.

Вместо этого Мира думала о матери.

Не удалена.

Перенесена.

Она повторяла эти два слова, пока они не начали звучать как обещание. Потом остановилась. Дом мог научиться словам. Архив — тем более.

Мира выключила планшет и легла, не раздеваясь. Из коридора под дверью тянулась узкая полоска света. В прежние вечера она означала: кто-то ещё может вернуться.

Теперь у света был другой автор.

В шесть десять Мира собиралась встретиться с ним у входа под школой.

Глава 2. Дверь, которой нет на плане

Будильник завибрировал под подушкой в пять двадцать, но Мира уже не спала.

Всю ночь каждый щелчок дома казался шагом отца. В половине пятого Тарен прошёл на кухню и долго стоял там без света. Когда его дверь закрылась, Мира выждала двадцать минут.

Одежду Мира приготовила с вечера. Планшет оставила на столе с запущенным уроком, под одеяло сунула свёрнутую толстовку. Если отец заглянет через домашнюю камеру, увидит тёплое пятно на кровати.

У входной двери Мира остановилась. В прихожей всё ещё горела полоса, оставленная ею вечером. Обычно дом выключал лишний свет через семь минут. Значит, кто-то изменил режим вручную.

Она коснулась выключателя. Полоса погасла.

Из комнаты отца не донеслось ни звука.

Мира вышла.

На лестнице пахло мокрым камнем и ночной очисткой воздуха. Лифт она не вызвала: кабина записывала лица, вес и этаж назначения. Спустилась по служебной лестнице, на первом пролёте перешагнула светлую плитку датчика и толкнула дверь локтем, спрятав лицо за поднятым воротником.

Над крышами лежал серый свет, рекламные стены молчали, транспортные линии двигались пустыми.

Мира пошла к рынку, затем свернула через ремонтный двор и пролезла между контейнером старых панелей и сеткой. Этот путь экономил восемь минут и обходил два городских считывателя.

До встречи оставалось девятнадцать минут.

Школьный квартал окружал прозрачный забор. Ворота были закрыты, калитка распознавала рабочие полосы, над спортивным залом поворачивалась камера. Мира сверилась с тетрадью: точка 4-К находилась под северным крылом, где не было ни входа, ни лестницы.

Она посмотрела на часы: 05:53.

Когда камера отвернулась, Мира перебежала к забору. В шестом классе Сев Рид обнаружил здесь секцию, которая поднималась на ширину плеч, если прижать верхнюю планку. Любую полезную лазейку школа быстро превращала в новый датчик.

Мира прижала планку, легла на холодный асфальт и просунулась под секцией. Куртка зацепилась за проволоочный ус. Она дёрнулась сильнее, услышала треск ткани и оказалась по другую сторону.

— Стала шире, — произнёс кто-то над ней. — Или лазейка стала уже.

Мира перевернулась.

Сев стоял с рабочей сумкой и считывателем кабелей. Защитные очки висели на шее, великий ему комбинезон школьной службы собирался складками.

— Ты зачем здесь?

— Отличное начало разговора человека, лежащего под забором в шесть утра.

— Я не лежу.

Мира поднялась и отряхнула ладони.

— А ты не техник.

— Ученик-практикант. Сегодня проверка сети перед экзаменационным месяцем. Мне разрешают носить сумку, слушать ругань и не трогать то, что действительно сломано.

Сев посмотрел на разрыв у неё на куртке, потом на тетрадь.

— Ты опять решила найти то, что взрослые плохо искали?

— Я пришла за учебником.

— Через грузовой двор. До открытия. Без сумки.

— Он очень нужен.

— Как называется?

Мира не ответила.

Сев вздохнул и направил считыватель на погнутую секцию забора. Прибор пискнул.

— Через минуту об этом узнает дежурный, — сказал он. — Я могу отметить ложное натяжение. Или настоящее проникновение. Угадай, что зависит от названия учебника.

До 06:10 оставалось четырнадцать минут. Мира могла уйти. Метка, возможно, появится снова завтра. Но слово «перенос» не обещало, что Слой Ноль сохранится ещё сутки. Отец говорил об очистке.

— Мне нужен старый вход под северным крылом.

Улыбка исчезла с лица Сева.

— Там нет входа.

— Точка 4-К.

Считыватель в его руке снова пискнул, хотя Сев уже отвёл его от забора.

— Где ты это услышала?

— Значит, есть.

— Значит, в старой сети встречается такой индекс. Кабельный колодец, вентиляционный узел, что угодно. Школа три раза перестраивалась.

— Мне прислали координаты.

— Кто?

В его взгляде появился знакомый интерес. Сев любил момент, когда тайна переставала иметь право так называться.

— Архив Слоёв.

Он коротко рассмеялся, но сразу умолк.

— Это не смешно, — сказал Сев. — В прошлом месяце техника из западной школы сняли с практики за одно архивное слово в поиске.

— Ты можешь отметить забор и уйти.

— Могу. А потом объяснять, почему не задержал ученицу на территории.

— Не задерживай. Сделай вид, что не видел.

— Камера видела меня рядом с тобой.

Мира посмотрела на купол над спортивным залом. Он был повернут к ним.

— Ты сказал, она смотрит на грузовую площадку.

— Я ничего такого не говорил. И она сейчас не записывает изображение. Проверка сети, помнишь? Но отметки перемещения остаются.

Он поднял считыватель и быстро провёл по разрыву ограждения. На экране загорелось: «Деформация от перепада температуры». Сев подтвердил причину своим учебным допуском.

— Семь минут, — сказал он. — Потом запускается общий тест, и двери северного крыла закроются по-настоящему.

— Ты идёшь со мной?

— Я иду убедиться, что ты не полезешь в силовой колодец.

Они побежали вдоль пустой площадки. У служебного входа Сев приложил полосу допуска, но замок мигнул жёлтым: «Требуется сопровождающий».

— Практикант, — напомнила Мира.

— Молчи.

Сев раскрыл сумку, достал тонкий шнур и соединил считыватель с панелью. На экране побежали строки. Он не взламывал замок — запросил проверку внутреннего контакта, заставив дверь открыться на четыре сантиметра.

— Держи.

Мира подставила носок. Сев убрал шнур, и они протиснулись внутрь. Дверь сдавила сумку, но отпустила, решив, что препятствие относится к проверочному оборудованию.

В пустой школе лампы горели через одну, а шаги дробились по коридорам.

Координаты привели к тупику за кабинетом грамотности. Здесь стояли шкаф с уборочным инвентарём, автомат воды и пластиковая скамья. На стене не было даже шва.

05:59.

По старой схеме лестница начиналась там, где теперь стоял шкаф.

— Помоги отодвинуть.

— Он закреплён.

— Откуда знаешь?

— Потому что я закреплял. Ученики прятались за ним и меняли маркировку чистящих смесей.

Сев открыл нижнюю дверцу шкафа. За вёдрами и сложенными щётками виднелась головка крепежа. Он вынул отвёртку, но болт оказался опечатан контрольной краской.

— Сломаем — будет видно.

Мира опустила на колени и осмотрела основание. На полу тянулись четыре параллельные царапины.

— Его двигают.

— Уборщики могли двигать до крепления.

— После. Пыль в царапинах светлее.

Сев провёл пальцем по полу, понюхал серый налёт и поморщился.

— Смазка свежая. Но болт не снимали.

Он потянул за среднюю полку. Шкаф дрогнул и выдвинулся на ладонь вместе с частью стены. Болт крепил его не к полу, а к скрытой направляющей.

За шкафом открылась узкая металлическая панель без ручки. На ней сохранились четыре потёртые буквы: `4-K`. Ниже темнел круг, похожий на след от чашки.

Мира приложила большой палец. Кожа под ним сразу нагрелась.

По панели прошла белая строка:

`ПОЛУЧАТЕЛЬ ОПОЗНАН.`

Следом появилась другая:

`УСЛОВИЕ ВХОДА: ПОВТОРИТЬ.`

— Повторить что? — спросил Сев.

Мира постучала по кругу дважды, провела пальцем по краю, снова приложила ладонь. Ничего.

— Может, последнюю команду?

— Повторить.

Панель не ответила.

— Очень убедительно, — сказал Сев.

06:03.

Мира попробовала семейный стук: один раз, потом два. Белая строка мигнула и погасла. Она вспомнила материнскую тарелку, третий прибор, возвращение к ужину. Но вход находился в школе, а не дома. Архив не мог требовать привычку Лиоры от каждого посетителя.

— Старые входы узнают действие, — сказала она. — Не человека.

— Это ты сейчас поняла или тебе сказали?

— Поняла.

— Тогда кто обычно сюда входил?

Они одновременно посмотрели на шкаф с вёдрами.

Сев вытащил школьный планшет и открыл журнал обслуживания. Современные записи начинались три года назад, после последней перестройки. В поиске по индексу 4-К ничего не нашлось.

— Удалили?

— Перенесли в бумажный архив. Старые журналы сканировали как изображения, без распознавания. Их никто не ищет, потому что поиск их не видит.

— Где они?

— В подсобной базе. Но мой допуск туда не пускает.

— А проверка сети?

Сев посмотрел на неё с неодобрением, которое быстро уступило уважению.

— Иногда ты неприятно полезная.

Он подключил считыватель к планшету и запросил схему кабелей кабинета. Система предложила связанный документ: «Журнал санитарного обхода, северное крыло, до реконструкции». Просмотр был закрыт, зато миниатюра первой страницы появилась в диагностическом отчёте.

Сев увеличил её. Строки расплылись в квадраты.

— Нужна запись по этому месту, — сказала Мира.

— Здесь двести страниц.

— До реконструкции шкаф стоял у входа. Ищи отклонения. Что делали не в других коридорах.

Они сравнивали полосы записей. Раз в неделю возле отметки 4-К появлялась дополнительная строка.

Сев сумел вытянуть изображение через проверку повреждённых пикселей. Почерк был угловатым:

`4-К: тележку оставить справа; трижды проверить крепление; свет погасить; вернуться за связкой.`

— За какой связкой? — спросила Мира.

— Ключи уборщика. Раньше они были физическими.

— Но зачем оставлять их?

— Не зачем. Привычка. Он забывал связку и возвращался.

Мира перечитала строку. Архивный вход был скрыт не замком, а чужой повторяемостью. Человек мог смениться, ключи исчезнуть, стены перестроиться, но последовательность продолжала ждать исполнителя.

— Тележка справа, — сказала она.

Они выкатили из шкафа узкую уборочную тележку и поставили справа от панели. Сев трижды дёрнул крепление шкафа.

— Не так, — остановила Мира. — В журнале «проверить», не «дёрнуть».

— И какая разница?

— Для привычки — вся.

Сев по очереди прижал три металлических защёлки. Каждая щёлкнула своим тоном. Мира нашла выключатель за дверцей шкафа и погасила коридорную лампу.

Панель осталась тёмной.

06:08.

— Теперь вернуться за связкой, — сказал Сев.

— Сначала её надо оставить.

У него на поясе висело кольцо с двумя механическими ключами — от кабельных коробов. Сев снял его и положил на среднюю полку. Они отошли до поворота коридора.

— Кто должен возвращаться? — спросил он.

— Тот, кто оставил.

— Тогда стой здесь.

Сев пошёл обратно один. Мира увидела, как белая линия появилась по краю панели, но дверь не открылась.

`СВИДЕТЕЛЬ НЕ НАЗНАЧЕН.`

— Это про тебя? — спросил Сев.

— Нет.

— Ты врёшь быстрее, чем думаешь.

— Метка зарегистрировала меня без свидетеля. Если ты повторишь действие со мной, система запишет и тебя.

— Как кого?

Мира не хотела произносить слово. Пока оно оставалось на экране, последствия казались частью чужого протокола.

— Соучастника.

В конце коридора загудела вентиляция. Начинался общий тест. На часах было 06:09.

— И ты решила сообщить сейчас.

— Я предлагала тебе уйти.

— До того, как увидел дверь. Это не считается.

— Сев, если откроется, назад уже не получится сделать вид, что ты проверял кабель.

Он посмотрел на ключи, лежащие в шкафу. Потом на белую линию вокруг панели.

— Мой отец говорит, свидетель нужен, чтобы виноватый не мог потом улучшить свою версию. Поэтому я запомню: ты предупредила плохо и поздно.

— Это согласие?

— Это точная запись.

Сев вернулся к ней за поворот. Они вместе прошли к шкафу, остановились у тележки, трижды проверили защёлки — теперь Мира касалась верхней и нижней, а Сев средней, — погасили свет и снова отошли. Ключи остались на полке.

06:10.

Они развернулись одновременно.

Шаг. Ещё шаг. Поворот. Тележка справа. Три защёлки закрыты. Свет погашен. Связка забыта.

Сев первым протянул руку, но Мира удержала его за запястье.

— Вместе.

Их пальцы коснулись кольца с двух сторон.

Стена вздрогнула. Белый круг расширился от центра панели и прошёл по их рукам холодом. Надпись возникла прямо на металле:

`ПРИВЫЧКА ВОСПРОИЗВЕДЕНА.`

`ПОЛУЧАТЕЛЬ: МИРА ЛАН.`

`СВИДЕТЕЛЬ: НЕ ПОДТВЕРЖДЁН.`

Сев сжал кольцо.

— Подтверждаю, — сказал он.

Панель ответила:

`СЕВ РИД. НЕСАНКЦИОНИРОВАННОЕ СОДЕЙСТВИЕ. ЗАПИСЬ СОЗДАНА.`

— Могли бы назвать короче, — пробормотал он.

Металл ушёл внутрь без звука. Вместо лестницы открылся слишком глубокий для школы коридор. Тёмные плиты и стены светились голубым, пылинки двигались по одинаковым окружностям.

Сзади включились школьные лампы. Начался тест дверей. Входная панель медленно возвращалась на место.

— Мы только посмотрим, — сказала Мира.

Сев шагнул через порог.

— Мы только посмотрим, — повторил он.

Панель закрылась, отрезав школу.

Голубой свет впереди собрался в человеческий силуэт. Сначала возникли босые ступни, затем край короткого платья, руки и лицо девочки примерно их возраста. Черты всё время менялись: чужая линия бровей, чужой подбородок, десятки улыбок, не успевающих стать одной.

Она наклонила голову и посмотрела на Миру.

— Мы только посмотрим, — сказала девочка голосом Сева.

Потом повернулась к нему и тем же голосом добавила:

— Мы только посмотрим.

Глава 3. Эхо по имени Тая

Световая девочка ещё раз произнесла:

— Мы только посмотрим.

В третий раз фраза прозвучала тише, будто коридор повторил её уже без помощи голоса. Мира отступила к закрывшейся панели. На месте входа теперь была сплошная тёмная плита. Ни круг, ни надпись, ни щель не показывали, куда приложить руку.

— Открой дверь, — сказала она девочке.

— Открой дверь, — ответила та.

Голос был Мирин. Даже короткий вдох перед первым словом совпал.

Сев поднял связку ключей, которую всё ещё держал в кулаке.

— Проводник сломан?

Девочка повернулась к нему.

— Проводник сломан?

— Очень полезно.

— Очень полезно.

Лицо не сохраняло выражения: Сегова усмешка сменялась Мириной складкой между бровями, а под прозрачной кожей проступали десятки чужих черт.

Коридор уходил в обе стороны. Справа голубые плиты сходились вдалеке, слева мерцали дверные рамы. За ними шёл дождь по пустой площадке, складывались белые полотенца, дёргалась вперёд и назад минутная стрелка.

Координаты точки 4-К заканчивались у входа. Метка Слоя Ноль не содержала маршрута.

— Ты знаешь, где Слой Ноль?

— Ты знаешь, где Слой Ноль?

— Веди нас туда.

— Веди нас туда.

Мира сделала шаг и подняла руку. Девочка с запозданием повторила движения, как отражение.

— Она не отвечает, — сказала Мира.

— Она не отвечает, — сказала девочка.

— Зато слушает, — заметил Сев.

— Зато слушает.

Сев подошёл к ближайшей раме, но Мира остановила его руку.

— Мы уже проверили одну дверь, — сказала она.

— Вместе. Это важно для точной записи.

Девочка повторила только последнюю фразу:

— Это важно для точной записи.

Затем повернулась к рамам и пошла влево.

Мира и Сев переглянулись.

— Стой, — приказала Мира.

Световая девочка остановилась.

— Это важно для точной записи, — произнесла она ещё раз и коснулась третьей рамы.

Комната с часами исчезла. Вместо неё открылся узкий переход, наполненный серым утренним светом. На полу проступили следы мокрых подошв. Они начинались у порога, делали семь шагов и обрывались.

— Она продолжила не слова, — сказал Сев. — Смысл.

— Какой смысл у точной записи и этой двери?

— Откуда мне знать? Может, тут всё записано. Или она решила, что мы просим показать запись.

— Она ничего не решила.

Девочка снова посмотрела на Миру.

— Она ничего не решила.

Слова прозвучали ровно, но лицо на мгновение перестало меняться. Оно стало бледным и почти без черт.

Мире стало неловко, хотя перед ней, скорее всего, была программа. Она никогда не думала, можно ли обидеть домашний ключ, назвав его сломанным.

— Ладно, — сказала она. — Покажи запись о Слое Ноль.

— Покажи запись о Слое Ноль.

Девочка коснулась прохода с мокрыми следами. Над рамой загорелась строка:

‘ЗАПРОС НЕ ИМЕЕТ ПРОДОЛЖЕНИЯ.’

Серый свет погас. Комната с часами вернулась, и стрелка снова дёрнулась на одну минуту.

— Мы неправильно спрашиваем, — сказала Мира.

— Мы неправильно спрашиваем.

— Тогда спроси правильно, — предложил Сев.

Девочка повернулась к нему, но впервые промолчала.

— У неё нет продолжения для такого действия, — поняла Мира. — Или ей никогда не разрешали спрашивать самой.

Мира вспомнила журнал уборки. Вход не понимал причины, а ждал последовательность. Возможно, проводник был устроен так же: вопрос, подтверждение, заранее прикреплённое действие.

Мира проверила догадку: на вопрос о выходе и команду «покажи» девочка указала назад; на вопрос о служебном маршруте — вправо. Но связь со Сломом Ноль снова не сработала. Над её головой появилась тусклая надпись:

‘СВЯЗЬ ЗАПРОСА НЕ ОПРЕДЕЛЕНА.’

— Она знает только готовые пары: вопрос и продолжение, — сказал Сев.

— Как кнопки.

Мира произнесла это прежде, чем успела остановиться.

Девочка повторила:

— Как кнопки.

Её лицо снова потеряло черты.

— Прости, — сказала Мира.

— Прости.

— Нет, это я тебе.

— Это я тебе.

Разговор захлопнулся. Любое объяснение становилось фразой, которую девочка должна была вернуть. Мира раздражалась на невозможность добраться до существа за ответами. Ей представилось, что домашний ключ годами говорил голосом матери лишь потому, что никто не позволил ему закончить иначе.

Сев присел у стены. Внизу, почти у пола, бежала тонкая строка служебных меток. Он провёл над ней считывателем. Экран ожил, хотя сеть школы осталась за закрытой дверью.

— Здесь есть локальные подписи, — сказал он. — «Остаточный узел сопровождения». Номер стёрт. Назначение: принимать запрос, подтверждать формулировку, продолжать назначенный маршрут.

— Имя есть?

— Поле пустое. Есть история обращений, но она закрыта.

Мира опустилась рядом. Сев предупредил, что сможет прочитать лишь заголовки, и положил считыватель на плиту. По экрану поползли обрывки:

`...тестовая группа...`

`...подтверждение согласия...`

`...несовершеннолетние участники...`

`...повтор ответа считать принятием...`

Последняя строка повторялась с разными датами. Продолжение было повреждено.

Девочка подошла ближе и произнесла голосом незнакомого ребёнка:

— Согласны продолжить?

Потом другим голосом:

— Согласны продолжить?

Третьим, совсем тихим:

— Согласны продолжить?

Вопрос звучал одинаково, голоса были разными. Детскими.

Сев выключил считыватель.

— Похоже, участников спрашивали, а она повторяла вопрос.

— И повтор считали согласием.

— В записи так написано.

Меняющиеся черты были не ошибкой: в девочке оставались лица тех, чьи ответы использовали вместо выбора.

— Ты проводила их по маршрутам? — спросила она.

— Ты проводила их по маршрутам?

— Покажи.

Девочка коснулась стены. В плитах вспыхнули школьная столовая, где дети одновременно поднимали стаканы, учебная площадь с десятками одинаковых поворотов и кабины проверки. Фигуры повернулись к Мире; у каждой оказалось одно из лиц световой девочки.

Стена погасла.

— Они ушли? — спросила Мира.

— Они ушли?

— Не надо показывать.

Девочка всё равно подняла руку, но не коснулась стены. Пальцы дрожали, рассыпаясь в искры.

— Она пытается выполнить обе команды, — сказал Сев. — Вопрос требует продолжения, а ты запретила.

— Я вижу, — ответила Мира.

Девочка повторила, и её пальцы перестали рассыпаться. Чужая фраза снова дала безопасное продолжение. У проводника не было промежутка, в котором можно решить самой.

— Если спрашивать как обычно, она поведёт нас туда, куда водила других, — сказала Мира. — А в Слой Ноль их не водили. Надо оставить между вопросом и продолжением пустое место.

Она подошла к развилке. Справа тянулся служебный коридор. Слева мерцали рамы сохранённых миров. Где-то среди них находился переход глубже, но девочка не связывала его со Слой Ноль.

— Слушай, — сказала Мира. — Сейчас я назову два пути. Ты не повторяй за мной.

— Ты не повторяй за мной.

— Вот именно.

— Вот именно.

— Не получится, — сказал Сев.

— Тогда иначе. Справа — служебный коридор. Слева — двери миров.

— Справа — служебный коридор. Слева — двери миров.

— Какой путь ты выбираешь?

Девочка открыла рот.

— Какой путь ты выбираешь?

— Покажи, — привычно сказал Сев.

Она подняла обе руки: правую к коридору, левую к рамам. Над ней вспыхнуло:

‘ПРОДОЛЖЕНИЕ НЕОДНОЗНАЧНО.’

— Не подсказывай, — сказала Мира.

— Я хотел помочь.

— Помощь всё возвращает на старый порядок.

Она снова обратилась к девочке:

— Справа или слева?

— Справа или слева?

Мира промолчала. В коридоре щёлкали рамы. Лицо девочки стало Мириним, Севовым, прошло через десятки незнакомых лиц. Каждое будто предлагало готовое слово и исчезало.

Над головой загорелось:

‘ОЖИДАЕТСЯ ПРОДОЛЖЕНИЕ.’

Строка мигнула.

‘ОЖИДАЕТСЯ ПРОДОЛЖЕНИЕ.’

Свет в руках девочки ослаб. Мира стиснула зубы, чтобы не сказать «покажи». Но тогда согласие Таи снова стало бы повтором, который кто-нибудь зачтёт за настоящий ответ.

Мира шагнула между двумя путями и села на пол.

— Мы подождём.

— Мы подождём, — повторила девочка.

— Дальше можешь молчать.

— Дальше можешь молчать, — повторила девочка.

Сев сел рядом. Надпись над девочкой ускорила мигание, потом буквы распались.

Световая рука дёрнулась вправо.

Девочка остановила её второй рукой.

Мира затаила дыхание. Это движение не повторяло ни её, ни Сева.

Девочка посмотрела налево. В дверных рамах отражались сотни возможных лиц. Потом направо — туда, где служебный коридор оставался пустым и одинаковым. Она сделала шаг влево.

Над полом вспыхнуло:

‘ДЕЙСТВИЕ НЕ НАЗНАЧЕНО.’

Девочка сделала второй шаг.

‘ТРЕБУЕТСЯ АВТОР.’

Она остановилась и коснулась груди. Свет под ладонью собрался плотнее.

— Тая, — сказала она.

Голос не принадлежал ни Мире, ни Севу. Он был неровный, составленный из нескольких тембров, но слово прозвучало один раз.

— Это твоё имя? — тихо спросил Сев.

Девочка не повторила вопрос.

Она подумала — Мира впервые была уверена, что это именно мысль, а не задержка команды, — и кивнула.

— Тая, — повторила Мира, уже не как приказ.

Девочка улыбнулась. Лицо осталось одним чуть дольше, чем прежде: узкий подбородок, прямые брови, широко расставленные глаза. Не Мира, не Сев и, возможно, не кто-то из тех детей целиком.

Тая выбрала левую руку. Коснулась шестой рамы, за которой до этого была только тёмная поверхность.

Рама раскрылась в лестницу, уходившую вниз по спирали. На каждой ступени светилась цифра, но порядок был нарушен: девять, четыре, двенадцать, два. В глубине мерцал знак, похожий на ноль, перечёркнутый вертикальной линией.

Мирина метка под рукавом отозвалась теплом.

‘СВЯЗЬ СО СЛОЕМ 0: СЛУЖЕБНЫЙ ПЕРЕХОД.’

Мира вскочила.

— Ты нашла.

Тая посмотрела на неё и не повторила.

Вместо этого сказала:

— Я выбрала.

По всему коридору погас голубой свет.

На мгновение остались только Тая, знак в глубине лестницы и горячая метка на Мириной руке. Потом под потолком зажглась красная линия.

‘ОСТАТОЧНЫЙ УЗЕЛ НАРУШИЛ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ.’

‘САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ АВТОРСТВО НЕ ПРЕДУСМОТРЕНО.’

‘АВАРИЙНЫЙ НАДЗОР ПРОБУЖДЁН.’

Рамы начали закрываться. Из пола поднялись световые перегородки, отрезая путь к лестнице.

— Бежим! — крикнула Мира.

Она схватила Сева за рукав. Они успели пройти первую перегородку, но вторая выросла перед ними. Тая просочилась сквозь неё, рассыпавшись и собравшись с другой стороны.

— Левее! — сказала она собственным сложным голосом.

Мира ударила ладонью по раме. Та не открылась.

Сев вытащил считыватель и приложил к красной линии на полу.

— Перегородки идут по старой сетке. Между четвёртой и пятой должен быть диагностический разрыв.

— Где?

— Если бы здесь были номера, я бы показал!

Тая вернулась сквозь свет. Она посмотрела на два промежутка, замерла лишь на секунду и выбрала ближний к стене.

— Здесь.

Они прижались к ней. Перегородка прошла по коридору, но у стены погасла на ширину ладони. Сев протиснул сумку, Мира повернулась боком. Красный край обжёг рукав, оставив на ткани чёрную полосу.

Лестница была в трёх шагах.

На верхней ступени зажёгся белый человеческий силуэт.

Сначала Мира решила, что надзор создаёт проводника. Но свет отступил, открывая мужчину в форме службы памяти. Он стоял спиной к знаку Слоя Ноль и держался за перила. На виске серебрилась служебная полоса. Лицо было усталым.

Тая отступила.

— Куратор, — сказала она.

На этот раз слово прозвучало не эхом, а предупреждением.

Мужчина посмотрел сначала на неё, потом на Сева со считывателем. Его взгляд остановился на обгоревшем рукаве Миры. Метка под тканью горела так ярко, что контур проступил наружу.

— Незаконный получатель, несовершеннолетний свидетель и узел, решивший назначить себя автором, — перечислил он. — В старом Архиве всегда умели собрать худший ответ из доступных.

Мира заслонила метку ладонью.

— Вы Роэн Вир?

Мужчина поднял брови.

— Значит, имя куратора тебе сообщили, а последствия — нет.

Он поднялся ещё на одну ступень. За его спиной знак нуля погас, и лестницу перекрыла плотная белая стена.

— Отойдите, — потребовала Мира. — У меня есть право на ответ Архива.

— Право? — Роэн посмотрел на неё внимательнее. — Вот какое слово он снова выбрал.

— Кто — он?

Роэн коснулся служебной полосы, и перегородки перестали расти, но не исчезли.

— Назови имя, — сказал он.

— Сначала вы.

— Я уже назван. Куратор списания Роэн Вир. А ты вошла по чужому незавершённому ключу и разбудила надзор, который спал девять лет. Поэтому имя — сейчас.

Мира могла солгать. Но метка уже показала его на входе, а Сев подтвердил запись.

— Мира Лан.

Роэн замер. В его лице исчезло раздражение, уступив чему-то более тяжёлому.

— Лан, — повторил он, и это было совсем не похоже на Таино эхо. — Конечно.

Он посмотрел на знак под её ладонью, словно узнал не только фамилию.

— Значит, Архив позвал дочь человека, который уже однажды его раскрыл.

Глава 4. Куратор обнуления

Фамилия повисла между ними хуже сигнала тревоги.

Роэн Вир не смотрел Мира в лицо. Его интересовал свет, проступавший сквозь обгоревший рукав. Мира прижала ладонь плотнее, хотя понимала: поздно. Куратор уже увидел очертание метки, но, возможно, не успел прочесть служебную строку внутри.

— Кто раскрыл Архив? — спросила она. — Отец или мать?

— Ты пришла сюда за ответом, которого дома тебе не дали, — сказал Роэн. — Значит, угадать нетрудно.

Он коснулся серебряной полосы на виске. Белая стена на лестнице поднялась до потолка, а за спиной Миры сомкнулись красные перегородки. Единственным свободным пространством остался квадрат в четыре шага, зажатый между стеной Слоя Ноль и аварийной решёткой.

Сев поднял считыватель.

— Локальная сеть закрыта, — предупредил Роэн. — Ещё один запрос, и прибор станет частью вещественной записи.

Сев опустил руку, но не убрал устройство в сумку.

Тая стояла у перегородки. В красном свете её лицо менялось быстрее прежнего. Только собственное лицо, выбранное несколько минут назад, не возвращалось.

— Отпусти её, — сказала Мира. — Она ничего не взяла.

— Она взяла право назначать себе действие. Здесь это самое опасное, что можно вынести без разрешения.

— Опасное для кого?

— Для тех, кому Архив назначит её пример.

Роэн провёл пальцами по воздуху. Между ними раскрылось плоское окно, слишком яркое для тёмной лестницы. На записи мужчина в домашней одежде стоял перед синей дверью и нажимал ладонью на ручку. Дверь была чужой: рядом светился номер квартиры, а из-за стены доносился женский голос, требовавший уйти.

Мужчина отпускал ручку, делал шаг к лестнице, возвращался и снова нажимал. На ускоренной записи солнце прошло по окну подъезда. Через несколько часов на синей краске появились тёмные следы. Потом кровь.

Мира отвернулась, но Роэн остановил изображение. На ладонях мужчины кожа была стёрта до блестящих красных полос.

— Одиннадцать часов, — сказал куратор. — Он не знал хозяйку квартиры. Утром возвращался из ночной смены и поймал чужую последовательность: закрыть дверь, проверить ручку, спуститься на три ступени, вернуться. К вечеру спасатели сняли его с площадки. Дверь всё ещё казалась ему непроверенной.

— Это мог быть сбой городской сети.

— Мог. Поэтому мы проверили источник.

Рядом с записью возникла цепочка меток. Мира не успела прочитать названия, но узнала рисунок: три короткие черты, разрыв и наклонная дуга. Такой же рисунок жёг её предплечье.

Она быстро натянула край рукава на пальцы.

Роэн заметил движение.

— Покажи ключ.

— Вы и так всё заблокировали.

— Покажи, и я выведу вас через безопасный коридор. Тебя передам родителю, свидетеля — школьной службе. Остаточный узел останется здесь до проверки.

— Меня зовут Тая, — произнесла девочка.

Роэн впервые посмотрел прямо на неё.

— Это имя назначено посетителем?

— Я выбрала.

— Тогда проверка займёт дольше.

Тая не повторила его слова. Красные полосы прошли сквозь её тело, вынимая из него лица одно за другим. Мира увидела, как девочка сжалась, словно от холода.

— Вы показываете одного пострадавшего и хотите, чтобы мы согласились на всё остальное, — сказала Мира. — Чем это отличается от тех записей? Там детям задавали вопрос и считали повтор согласием.

Сев тихо втянул воздух. Наверное, решил, что она зашла слишком далеко.

Роэн убрал окно с записью.

— Отличается последствиями. Я не прошу согласия. Я прекращаю заражение.

— Стирая миры вместе со всеми, кто там остался?

— Там не осталось людей.

Тая шагнула к нему. Её ступня рассыпалась в красной перегородке, но собралась снова.

— Я осталась.

На лице Роэна дрогнула мышца.

— Ты составлена из ответов людей. Это не одно и то же.

— Кто решил?

Он не ответил сразу. Этого оказалось достаточно: Тая оглянулась на Миру, и в её лице на миг закрепились прямые брови и широко расставленные глаза. Она снова была собой.

Мира поняла, что безопасного выхода не будет. Даже если она отдаст ключ, Роэн не проведёт Таю наружу. А без Таи лестница к Слою Ноль снова станет набором неправильных чисел.

— Вы сказали, Архив уже раскрывали, — продолжила Мира, выигрывая время. — Когда?

— Девять лет назад.

— Кто?

— Покажи метку.

— Сначала имя.

— Ты торгуешься тем, чего не понимаешь.

— А вы — тем, что уже знаете.

Роэн снова коснулся служебной полосы. На этот раз белая стена за ним стала прозрачной. Внутри мерцали строки журнала. Одна была выделена янтарным:

‘ПЕРВАЯ ПОДТВЕРЖДЁННАЯ УТЕЧКА. КЛЮЧ-ИСТОЧНИК: ЛИОРА ЛАН.’

Мира прочитала дважды. Буквы не изменились.

Под строкой стояла дата — на три дня раньше официального исчезновения матери.

— Нет, — сказала Мира.

— Имя ты получила.

— Это не значит, что она была источником. Ключ могли использовать.

— Могли. Поэтому я прошу его показать.

— Вы не просите.

Роэн устало опустил руку.

— Девять лет мы различаем просьбы и команды, пока люди в Пристани повторяют то, чего никогда не выбирали. Первый выброс был мал: женщина каждое утро оставляла чашку для человека, с которым не жила. Потом появились чужие маршруты, чужие истории перед сном, чужие проверки дверей. У всех цепочек один корневой рисунок. Тот, что светится у тебя под ладонью.

Мира вспомнила третью тарелку и отцовскую фразу: сохранённое ведёт себя так, будто имеет право продолжаться. Если Лиора открыла Архив, зачем домашний ключ назначил встречу дочери: исправить ошибку или продолжить её?

Белая стена снова уплотнилась.

— Последний раз, Мира Лан. Ключ.

Она медленно отвела ладонь от рукава. Световой рисунок стал ярче, будто обрадовался вниманию. Роэн сделал шаг. В тот же миг Мира повернула руку к Тае.

— Служебный канал, — сказала она. — Не путь. Стань сообщением.

Сев понял раньше Роэна. Он вскинул считыватель и направил на красную линию в полу. Устройство пискнуло, экран ослеп, но одной секунды хватило: между пластинами перегородки возникла узкая чёрная щель.

Тая не спросила, куда идти. Она вытянула руки, стала тонкой, как отражение на ребре стекла, и скользнула в щель.

— Остановить передачу! — приказал Роэн.

Красный свет ударил вверх. Пол под Севом вспух прозрачными плитами. Он прыгнул к Мира, прижимая к груди погасший считыватель.

Тая мелькнула в линиях над ними. Теперь её лицо появлялось во всех служебных знаках сразу: на стене, на ступенях, в серебряной полосе у виска Роэна.

— Здесь семь выходов, — прозвучал её голос из коридора. — Шесть закрыты. Один забыт.

— Какой? — крикнула Мира.

На белой стене возникло собственное отражение Миры. Оно подняло левую руку, хотя Мира не двигалась, и указало вниз.

Лестница под ногами была не сплошной. Между ступенями проходила тонкая служебная шахта, в которой текли выброшенные изображения. Сев ударил каблуком по плите. Та не поддалась.

Роэн перехватил его за плечо.

— Если откроете сброс, вас вынесет в нестабильный слой. Он может не собрать ваши тела одинаково.

— Зато Тая останется собой? — спросила Мира.

— Там она рассыплется первой.

Из стены ответили десятки Таинных голосов:

— Я выбрала.

Мира наступила на ту ступень, где цифра менялась быстрее остальных: четыре, девять, четыре, пустота. Метка на руке отозвалась, и под подошвой загорелась та же дуга, что в журнале утечки.

Плита приняла её за служебный ключ.

Она провалилась на ладонь, открывая щель. Из шахты ударил тёплый воздух, пахнущий пылью и нагретым пластиком. Сев сунул в проём металлическую рукоять сумки и потянул. Плита хрустнула.

Роэн отпустил его и отступил к стене. Мира на миг показалось, что он сдаётся. Потом серебряная полоса на его виске вспыхнула белым.

— Архив, принять решение куратора, — сказал он. — Угроза каскадной утечки подтверждена. Досрочное обнуление слоёв двенадцать, девятнадцать, двадцать три, тридцать один, сорок четыре, пятьдесят и шестьдесят восемь. Отсрочка — двадцать минут. Внешнее копирование запретить.

По коридору один за другим погасли семь далёких огней.

— Что вы сделали? — спросил Сев.

— Ограничил то, что вы выпустили.

— Мы никого не выпускали в город!

— Вы научили остаточный узел действовать без назначенной пары. Если эту возможность повторят другие среды, заражение получит способ выбирать маршрут.

— Тая не заражение, — сказала Мира.

— Проверим, если вы останетесь живы.

Щель расширилась. Под ней не было дна — только поток окон, улиц, пустых комнат и обрывков неба. Миры накладывались друг на друга: трамваи без пассажиров, руки, завязывающие одинаковые узлы, открытые двери.

Мира увидела семь мерцающих контуров. На каждом начался белый отсчёт.

Двадцать минут.

Она хотела добраться до матери, но приблизила уничтожение семи миров. Роэн сделал это сам — и всё же Архив принял за ключ её метку.

— Где выход из нестабильного слоя? — спросила она.

— Каждый раз в другом месте, — ответил Роэн. — Иногда его нет.

— Очень полезно.

— Я пытаюсь не дать тебе погибнуть.

В его голосе не было угрозы. Мира почти поверила ему — и испугалась сильнее. Он мог быть прав о вреде и ошибаться насчёт единственного решения.

Тая собралась у края щели. Теперь она была прозрачнее, но лицо оставалось её собственным.

— Я могу найти связность, — сказала она.

— Ты никогда этого не делала, — возразил Сев.

— Никогда.

Она улыбнулась, будто это слово означало не запрет, а свободное место.

Роэн шагнул к ним.

— Мира, твоя мать тоже решила, что неизвестный выход лучше ограниченного. После неё мы девять лет собираем чужие действия с улиц. Не повторяй её выбор только потому, что он её.

Фраза попала точно. Мира замерла у открытой шахты.

Не повторяй её выбор.

Кто-то впервые предложил ей не ждать Лиору и не отказываться от неё, а различить их решения. Но Роэн протянул руку к метке — и снова заранее назначил выбор.

Мира отступила.

— Я не повторяю, — сказала она. — Она прыгала без Таи.

Тая нырнула первой. Её тело вытянулось световой нитью и пришло к потоку ближайший устойчивый фрагмент — прямоугольник тёплого окна.

Сев сел на край шахты.

— Я вообще-то собирался только посмотреть.

— Ты это уже говорил.

— И больше не скажу.

Он прыгнул, зацепился за нить Таи и исчез среди окон.

Роэн схватил Миру за запястье. Его пальцы легли поверх метки, и в голову ворвалось чужое воспоминание: синяя дверь, холодная ручка, невыносимая уверенность, что надо проверить ещё раз. Мира дёрнулась, но рука не слушалась. Она уже повернула запястье, чтобы снова коснуться его ладони, подтвердить контакт, убедиться, что он настоящий.

Один раз.

Ещё один.

Роэн побледнел и разжал пальцы.

— Вот так начинается утечка, — сказал он.

Мира прижала руку к груди. Желание проверить исчезло не сразу. Оно осталось зудом под кожей, чужим и убедительным.

— Вы тоже её носите.

— Я ношу следы всех случаев, которые закрываю.

— И называете себя безопасным выходом?

Отсчёт на семи контурах сменился: девятнадцать минут.

Роэн посмотрел на погасший служебный коридор. Потом на метку Миры.

— Ваша последовательность зарегистрирована, — произнёс он уже официальным голосом. — Я найду вас в следующем слое.

— Тогда не стирайте его до нашего прихода.

Мира прыгнула.

Поток ударил со всех сторон. Сначала она падала сквозь подъезд с синей дверью и слышала, как сотни ладоней проверяют ручку. Потом вокруг возникли школьные коридоры, где дети отвечали чужими вопросами. На миг Мира увидела мать — не лицо, только серый плащ и руку, проводившую янтарную дугу по стене. Она потянулась следом, но изображение распалось на дату первой утечки.

Три дня до исчезновения.

Метка Лиоры.

Семь миров под отсчётом.

Мира не знала, какая из этих вещей была причиной, а какая — продолжением, которое Архив подобрал позднее.

Нить Таи натянулась. Сев вращался ниже, пытаясь ухватить её обеими руками. За ним открывался тёмный город, состоящий из одинаковых домов. Ни в одном окне не было людей, но в каждой комнате горела лампа.

— Туда! — крикнула Тая сразу несколькими голосами.

Они падали к крыше. В последний момент город перевернулся: крыша стала стеной, улица — глубоким колодцем, окна потянулись вверх бесконечными рядами.

Мира ударилась плечом о карниз, соскользнула и вцепилась в край. Сев повис на световой нити рядом. Тая рассыпалась по стеклу сотней отражений, но медленно собралась в одно.

За окном стояла пустая кухня. На столе лежали три прибора. Над ними горела лампа, оставленная для того, кто не вернулся.

В соседнем доме вспыхнул ещё один свет. Потом ещё. Волна прошла по кварталу, и сотни пустых квартир одновременно зажгли окна.

Мир ожидания заметил гостей.

Далеко наверху белые цифры продолжали отсчёт до обнуления.

Глава 5. Окна ожидания

Карниз оказался шириной с ладонь. Под ним уходила вниз улица — или то, что мир считал улицей: тёмный колодец между домами, повернутыми окнами внутрь. В каждом окне горела лампа. Свет не падал наружу, а висел за стеклом плотным янтарным прямоугольником.

Мира подтянулась, перевалилась через край и оказалась в пустой кухне. Стол был накрыт на троих. Чай в прозрачных чашках не остывал, хлеб не черствел, часы над дверью показывали без семи девять.

Сев ввалился следом и сразу обернулся к окну.

— Тая?

Световая нить дрогнула на стекле. Из неё собралась Тая, хотя часть её волос ещё оставалась отражениями в соседних окнах.

— Я здесь, — сказала она. — И ещё в двадцати семи местах.

Над крышами проступили белые цифры: восемнадцать минут сорок две секунды. Отсчёт шёл без звука.

Мира коснулась метки. Та тянула не вверх и не вниз, а сквозь стены, к слабому провалу где-то за кварталом.

— Переход есть. Нам нужно через дома.

Дверь кухни вывела в прихожую той же квартиры. На крючке висел плащ, под ним стояли мокрые ботинки. Мира взялась за ручку входной двери, но замок не повернулся.

Лампа над столом мигнула.

В голове возникла уверенность: если погасить свет, дверь откроется. Не догадка — знание, такое же ясное, как необходимость вдохнуть. Мира вернулась, нажала выключатель.

Лампа погасла. Вместе с ней исчезли стол, чашки и половина пола. Кухня разломилась по диагонали, будто её держал только круг света. Дверь распахнулась, но за ней была не лестничная площадка, а пустота.

Сев успел схватить Миру за локоть.

— Отличный путь.

На месте погасшего окна снаружи зиял чёрный прямоугольник. По фасаду прошла трещина. Она пересекла три этажа, и дальний угол дома беззвучно осыпался квадратными хлопьями.

Мира снова щёлкнула выключателем. Свет вернулся, а с ним пол и стол. Только одна чашка теперь стояла ручкой в другую сторону.

— Зажигаем — собирается, — сказал Сев. — Гасим — открывает выход и ломает опору.

— Значит, надо выбирать окна по дороге.

Они вышли через восстановившуюся дверь. Лестница была заставлена вещами тех, кто собирался вернуться: детский самокат, свёрнутая сетка для покупок, коробка с обувью. На каждой площадке горел свет. Людей не было.

Тая приложила ладонь к стене.

— Здесь есть ответы.

— Чьи?

— Тех, кто ждал. И тех, кого Архив дописал, когда отвечать стало некому.

На нижней площадке свет погас сам. Лестничный пролёт оторвался и упал в темноту, не долетев до дна. Метка Миры потянула к верхнему этажу.

Они поднялись. За дверью следующей квартиры стояла старуха в синем халате. Её тело состояло из мелких тёплых точек, но лицо было ясным. Она смотрела мимо гостей на лестницу.

— Вы к Арену? — спросила она.

— Нет, — ответила Мира. — Для кого вы оставили свет?

— Для Арена. Он возвращается последним рейсом.

— Кто он вам?

Старуха нахмурилась, словно вопрос нарушал порядок.

— Сын. Он всегда забывает перчатки, но никогда не забывает меня предупредить.

За её спиной на стене проступила запись: имя, связь, вечерний рейс, тридцать семь подтверждённых повторений. Свет в квартире стал спокойнее. Метка Миры перестала тянуть к выключателю и указала на соседнюю дверь.

Там никто не открыл. В комнате горел торшер, кресло было повернуто к входу. На столике лежала раскрытая книга, но страницы оставались белыми.

— Для кого свет? — спросила Мира в пустоту.

Из кресла поднялась фигура без лица.

— Для того, кто должен вернуться.

— Как его зовут?

— Тот, кого ждут.

— Кто его ждёт?

Фигура задрожала. На месте лица возникали чужие глаза, рты, подбородки.

— Здесь оставляют свет.

Это было не воспоминание, а продолжение правила. Машина увидела тысячи одинаковых действий и заполнила пустое место самым вероятным ответом.

Мира выключила торшер.

Комната сложилась внутрь себя. Белые страницы взлетели и стали узким мостом к соседнему дому. На них одно за другим гасли слова, которых никогда не писал человек.

— Так и пойдём, — сказала Мира. — Спрашиваем имя. Гасим только там, где его нет.

Они ступили на бумажный мост. Под ним темнота наполнялась обломками комнат. Чужие ожидания входили без спроса: дочь с ночной смены, друг со старым проигрывателем, разочарование от каждого не того лифта. Все они требовали одного: не гаси.

— Быстрее, — сказал Сев.

Он остановился у окна напротив. За стеклом мальчик лет десяти собирал механическую птицу.

— Лер, — прошептал Сев.

— Ты его знаешь?

Сев посмотрел на Миру с раздражением, будто она спросила очевидное.

— Это мой брат.

— У тебя нет брата.

— Есть. Младший. Он всегда не спит, пока я не вернусь.

Он шагнул с моста к окну. Между ними не было опоры.

Мира рванула его назад. Бумажные листы прогнулись, внизу рассыпалась целая лестница.

— Пусти! Он ждёт меня один.

Сев ударил её руку и снова потянулся к стеклу. Мальчик поднял голову. Лица у него не было — только гладкое тёплое сияние.

— Назови что-нибудь настоящее, — потребовала Мира. — Что ты помнишь до входа в Архив?

— Лер боится грозы.

— Это про него. Про себя.

— Я должен был починить птицу.

Свет из окна натянулся к его груди тонкой нитью.

Мира схватила Сева за ворот.

— Ты школьный практикант. Ты спрятал срабатывание северного забора. Ты сказал, что мы только посмотрим, и обещал больше этого не говорить.

Сев моргнул. Взгляд на секунду прояснился, но мальчик за стеклом поднял недоделанное крыло.

— Он ждёт девять лет.

— Тебе пятнадцать. Девять лет назад тебе было шесть. Как ты мог оставить его одного после работы?

Нить дрогнула.

Сев зажал виски ладонями. Мира продолжила:

— Как его полное имя? Где вы жили? Что ваши родители говорят о нём?

— Сев, — позвала Тая. — Выбери, кто отвечает.

Он судорожно вдохнул.

— Я отвечаю.

Нить лопнула. Мальчик всё ещё сидел у лампы, но теперь казался вырезанным из нескольких несовпадающих воспоминаний.

— У меня нет брата, — сказал Сев. — Но я помню, как обещал вернуться.

— Не вытаскивай это обещание наружу.

— Очень постараюсь.

Он хотел усмехнуться, но не смог.

Мира повернулась к окну.

— Для кого горит свет?

Мальчик без лица ответил голосами разного возраста:

— Для старшего брата.

— Как его зовут?

— Он вернётся.

— Как зовут того, кто оставил лампу?

— Его ждут.

Мира погасила окно, проведя ладонью по стеклу.

Мальчик исчез. Вместе с ним исчезла и память о цвете его рубашки, но боль Сева осталась настоящей. Он согнулся, будто потерял человека второй раз — сначала в навязанном прошлом, потом здесь.

— Это было правильно? — спросил он.

— Не знаю.

Ответ не утешал, зато был её собственным.

На месте окна открылся проход. За ним пролежала улица, собранная из кухонь и прихожих. Белые цифры над крышами показывали четырнадцать минут.

В каждой комнате Мира задавала одни и те же вопросы, но ответы были разными.

— Для Нира, моего мужа. Он чинит речные датчики. На рукаве у него белая полоса.

Свет оставался.

— Для возвращающегося пользователя.

Свет гас.

— Для того, кого полагается ждать.

Гас.

— Для всех ушедших.

— Назовите хотя бы одного.

Молчание. Гас.

Каждое безымянное окно превращалось в ступень, мост или дверь. Каждое названное укрепляло дом и заставляло маршрут огигать его. Город перестал быть ровной сеткой. В нём появились острова: кривые, неудобные, удерживаемые конкретными обещаниями.

Но цена была видна. Целые фасады, где Архив годами продолжал ожидание без людей, осыпались в колодец. Тая становилась прозрачнее при каждом обвале.

— Тебе больно? — спросила Мира.

— Я теряю ответы, которыми могла бы стать.

— Остановимся?

Тая посмотрела на очередное безликое окно.

— Если остановимся, они станут ответами за всех.

Мира погасила его.

За стеклом исчезла праздничная комната с нетронутым пирогом. Она была красивой. Никто не назвал ни гостя, ни хозяина, но Мира всё равно почувствовала себя разрушительницей. Роэн мог бы погасить квартал одним приказом и назвать это защитой. Она гасила по одному и задавала вопросы. От этого падало меньше домов, но упавшие не становились менее уничтоженными.

— Он скажет, что мы доказали его правоту, — произнесла она.

— Роэн? — спросил Сев.

— Мир опасен. Чужое ожидание почти забрало тебя. Мы сами его стираем.

— Не так, как он.

— Для пустой комнаты разницы нет.

Сев посмотрел на тёмный проём, где сидел его несуществующий брат.

— Для меня есть. Меня спросили.

Метка на руке Миры нагрелась. Линия, прежде метавшаяся от окна к окну, разделилась надвое. Один след шёл через комнаты с именами и обрывался у их дверей. Другой соединял безымянные окна в гладкую белую сеть.

Тая увидела её одновременно во всех отражениях.

— Граница, — сказала она.

На фасадах проступили надписи. У тёплых островов — имена, даты, различия в повторениях. У белой сети — только команды продолжения: поддерживать свет, ожидать возвращения, восстанавливать сцену при разрушении.

— Авторская память и машинное продолжение, — сказал Сев. — Они всё время были склеены.

— Архив не спрашивал, когда одно закончилось.

— А теперь?

Мира посмотрела на свою метку. Та больше не указывала кратчайший путь. Она показывала две возможности: пройти по белой сети быстро, усилив навязанные ожидания, или двигаться по неровной границе, сохраняя названные острова.

До обнуления оставалось одиннадцать минут.

— Теперь спросили мы.

Они выбрали границу.

Маршрут петлял. Приходилось перелезать через балконы, проходить комнаты, где жители-отпечатки снова и снова рассказывали, кого ждут, и не позволять рассказам становиться их собственными воспоминаниями. Сев вслух перечислял то, что знал о себе: имя, возраст, школу, сломанный считыватель в сумке. Тая добавляла после каждого пункта:

— Это ответ Сева.

Мира тоже назвала себя, но на имени матери запнулась. Свет ближайших окон потянулся к ней.

Лиора вернётся к ужину.

Лиора всегда возвращается.

Оставь третий прибор.

Не гаси свет.

Слова звучали не голосом матери. Их говорил сам город, подбирая продолжение к её желанию.

Мира увидела домашнюю кухню, отца у стола и пустой стул. Стоило принять картину, и здесь возник бы ещё один тёплый остров — без Лиоры, зато с идеальным ожиданием. Он мог простоять вечно.

— Для кого горит твой свет? — спросила Тая.

— Для мамы.

Белая сеть приблизилась.

— Как её зовут?

— Лиора Лан.

На линии возникло имя.

— Что она обещала?

— Вернуться к ужину.

— Она исполнила?

Мира хотела сказать «ещё нет». Так отвечало ожидание, в котором девять лет не считались концом.

— Нет, — сказала она. — Не исполнила.

Домашняя кухня исчезла. Осталась память о ней — болезненная, неполная, не обязанная продолжаться до возвращения.

Граница стала ярче. Впереди показалась узкая башня, единственная во всём городе без света. В её основании открывался служебный знак Слоя Ноль.

— Нашли, — сказал Сев.

Над крышами осталось девять минут двадцать секунд.

Они спустились по лестнице из погашенных окон. Позади рушились безымянные кварталы. Названные дома держались, разделённые тёмными разрывами.

Мира остановилась.

Она искала дорогу и нашла её. Она отделила человеческие обещания от того, что машина продолжала за людей. И всё же город стал меньше наполовину.

— Запомни границу, — сказала она Тае.

— Всю не смогу.

— Тогда правило: имя, связь, обещание и тот, кто ответил. Если ответа нет, это не согласие продолжать.

Тая повторила медленно, но не эхом, а проверяя каждое слово:

— Имя. Связь. Обещание. Ответивший.

В башне внезапно зажглось одно окно.

Свет был не янтарным, как в городе, а серо-зелёным. За стеклом стояла женщина. Не отпечаток из точек — её изображение дрожало полосами старой записи. Короткие тёмные волосы, узкое лицо, рабочая куртка Архива без знаков должности.

Она смотрела прямо на Миру.

Потом подняла левую руку и приложила два пальца к предплечью — туда, где у Миры светилась метка.

— Ключ Лиоры, — произнесла женщина.

Мира шагнула к окну.

— Вы знали мою мать?

Женщина не ответила сразу. За её спиной кто-то гасил лампы, и с каждой темнота приближалась к стеклу.

— Назовите себя! — крикнула Мира. — Для кого у вас горит свет?

— Нела Сор. Свет оставлен для свидетеля.

На фасаде проступило имя. Окно удержалось.

— Лиора исчезла девятого дождя, девять лет назад, — сказала Мира. — Вы видели её до этого?

Нела покачала головой.

— После.

Она провела ладонью по стеклу. На нём появилась дата.

Мира знала её слишком хорошо: в домашней системе эта дата стояла у последнего ужина, который Лиора пропустила. Но число в окне было на сорок три дня позже.

— Невозможно, — прошептал Сев.

— Я говорила с ней в этот день, — сказала Нела. — Если хотите услышать остальное, не гасите мой свет.

Над городом сменились цифры.

Восемь минут до обнуления.

Глава 6. Свидетельница поздней даты

Серо-зелёный свет держался только в одном окне башни. Вокруг него город осыпался тёмными квадратами, а Нела Сор стояла за стеклом так спокойно, будто восемь минут до обнуления относились к кому-то другому.

— Откройте проход, — сказала Мира.

— Сначала обещай не гасить мой свет.

— Я не обещаю того, чего не понимаю.

Нела улыбнулась. В следующую секунду её улыбка исчезла, хотя губы не двигались. По изображению прошла полоса, и женщина оказалась сидящей на полу в той же рабочей куртке. Ещё одна полоса — Нела прижимала ладони к лицу. Затем снова стояла перед ними.

— Лиора тоже так отвечала, — произнесла она. — Поэтому я запомнила её лучше остальных.

Сев показал на цифры над крышами.

— Семь сорок две. Если у вас есть дверь, сейчас самое время вспомнить, где она.

— Дверь есть во всех версиях. Не во всех я её открываю.

Тая подошла к окну и коснулась стекла. От её пальцев разошлись круги, как по воде.

— Она не запись, — сказала Тая. — И не человек целиком. Здесь несколько ответов на один вопрос.

— Какой? — спросила Мира.

Нела ответила сама:

— Что я сделала в тот вечер.

Стекло стало прозрачным. За ним была тесная диспетчерская: два кресла, стол с потухшими панелями и дверь без ручки. На столе горела переносная лампа. Нела протянула к ней руку, но не коснулась выключателя.

— Мой мир хранил привычку сверять последнее отправление, — сказала она. — Я работала на узле утренних маршрутов. Каждый вечер проверяла, ушёл ли крайний состав, закрывала журнал и только потом возвращалась домой. Когда узел списали, привычка осталась здесь. А со мной осталось слишком много последних вечеров.

— Где вы видели Лиору?

— В диспетчерской.

— Когда?

— В день, который показала.

— Что на ней было?

Нела взглянула на рукава собственной куртки.

— Светлый плащ. Нет, служебная куртка. Она промокла. Она была сухой. Пришла одна. С ней был мужчина, но он остался за дверью.

Каждый ответ менял комнату. По стеклу то бежали дождевые струи, то ложился прямой утренний свет. На спинке второго кресла возникал плащ, превращался в куртку и исчезал. За дверью мелькнула высокая тень.

— Вы врёте, — сказал Сев.

— Я помню, — возразила Нела. — Это не одно и то же.

— Дату вы тоже помните по-разному?

— Нет. Дата вписана в журнал отправлений. Я сверила её перед закрытием. Потом сверила снова. И снова.

На столе появились три журнала. В каждом стояло одно число — сорок третий день после исчезновения Лиоры. Под числом расходились разные подписи Нелы.

— Покажите журнал снаружи, — потребовал Сев.

Нела качнула головой.

— За пределами мира страницы пусты. Вынесите мою привычку, и я покажу дорогу к исходному узлу. Там остался маршрут Лиоры.

Мира поняла, чего женщина ждала всё это время. Не свидетеля. Носителя.

— Что случится с вами, если я вынесу привычку?

— Перестану ждать последнего отправления.

— А с тем, кто её получит?

— Будет знать, что ни один вечер нельзя закончить, пока всё не сверено.

— Сколько раз?

Комната мигнула. Журналов стало семь, потом двенадцать. Нела отвела глаза.

— Пока дата не перестанет меняться.

— Она не перестаёт, — сказал Сев. — Меняется память о вечере, а вы проверяете журнал. Проверка создаёт новую версию, и вы снова проверяете.

Нела резко ударила по стеклу.

— Я видела Лиору. Если не вынесете меня, обнуление сотрёт единственного свидетеля.

Мира не отступила.

— Вы просите отдать кому-то вашу ловушку.

— Я прошу сохранить правду.

— Которую из них?

За спиной Нелы возникли ещё три Нелы. Одна закрывала журнал. Другая распахивала дверь перед промокшей Лиорой. Третья сидела в темноте одна. Их движения накладывались друг на друга, и в каждом было то же упрямство: вечер нельзя отпускать непроверенным.

Над городом осталось шесть минут пятьдесят секунд.

От дальнего квартала прокатился глухой толчок. Названные окна погасли, но не рухнули. Безымянная часть фасада осыпалась.

— Роэн начал обнуление раньше? — спросил Сев.

Тая прислушалась.

— Нет. Мир теряет правило. Граница, которую мы сделали, разъединяет его быстрее.

— Тогда у нас меньше восьми минут, — сказал Сев.

Мира смотрела на три журнала с одинаковой датой. Можно было отвернуться. Нела требовала слишком высокую цену, а её память была испорчена. Но дата оставалась неподвижной, когда всё остальное менялось.

— Я не вынесу вашу привычку, — сказала Мира.

Нела шагнула назад. Её окно потускнело.

— Тогда вы пришли только посмотреть, как меня сотрут.

Фраза ударила по Тае: световая девочка дёрнулась, словно услышала старую команду. Сев встал между ней и окном.

— Мы уже однажды так сказали, — ответил он. — Больше не говорим.

Мира подняла руку с меткой.

— Можно проверить один фрагмент, не вынося правило целиком. Временно связать воспоминание с ключом. Только дату и встречу с Лиорой.

— Метка возьмёт то, что выберет сама.

— Тогда вы назовёте границы вслух. Вы — автор воспоминания. Я — временный исполнитель. Сев — свидетель. Тая следит, чтобы связь оборвалась.

Тая наклонила голову.

— Я умею обрывать только ответы, которые считаются согласием.

— Значит, это будет не согласие навсегда. Срок — одна проверка даты. Назначение — найти следующий узел. После этого я отказываюсь.

— Если начнёшь повторять её действия, я разорву контакт, — сказал он.

— Даже если я буду против.

— Особенно если будешь против.

Нела приложила ладонь к стеклу напротив Мириной метки.

— А если после разрыва ты забудешь?

— Сев запишет дату на бумаге. Не в Архиве.

Сев вытащил из сумки тетрадный лист и карандаш. На обороте ещё были координаты точки 4-К.

— Готов.

Нела закрыла глаза.

— Воспоминание принадлежит Неле Сор. Вечер последнего отправления, встреча с Лиорой Лан, запись в журнале. Передача — до проверки исходной даты. Не передавать дальше. Не продолжать действие за меня.

— Я принимаю только на этот срок, — сказала Мира.

— Я свидетель, — сказал Сев.

Тая добавила:

— Я помню отказ от продолжения.

Стекло исчезло.

Холод вошёл в Миру через ладонь и сразу оказался за глазами. Она не увидела диспетчерскую — она в ней очнулась.

Левая рука была взрослой, с тонким белым шрамом у большого пальца. Рука переворачивала страницу журнала. Последний состав отмечен в 22:18, но внизу стояло 22:21. Нельзя закрыть смену, пока числа не совпадут.

Мира зачеркнула 22:21.

Нет, это сделала Нела.

Она вспомнила запах мокрой ткани.

Нет, в комнате было сухо.

Дверь без ручки открылась, и вошла Лиора. Волосы прилипли к её лбу. На ней был светлый плащ поверх служебной куртки, поэтому обе версии оказались правдой. Она сняла плащ, перекинула через кресло и сказала:

— Ты опять сверяешь то, что уже ушло.

Нела рассмеялась. Или рассердилась. Мира почувствовала оба движения в одной груди.

Лиора подошла к столу и положила рядом с журналом узкую пластину ключа. Такой же знак горел теперь на Мириной руке, только тогда линия была незамкнутой.

— Если меня запишут пропавшей, не исправляй дату, — сказала Лиора.

— Тебя уже записали.

— Поэтому я здесь.

Слова Мириной матери звучали не так, как дома. Голос был ниже и усталее. Мира знала, что мама после долгой смены растирала висок двумя пальцами. Лиора в диспетчерской этого не сделала — и от этой мелочи стала реальнее любого сохранённого ужина.

— Роэн закрывает слои, — сказала Нела. — Он считает, что остановит заражение.

— Он остановит людей. Архив продолжит.

Лиора развернула пластину. На ней горели цепочки коротких ответов: «да», «повторить», «принято». Каждая тянулась к следующей, пока автор первого ответа не исчезал за сотнями подтверждений.

— Не давай Архиву закончить за людей, — сказала она. — Ни обещание, ни отказ. Особенно отказ.

— Что мне делать?

Лиора посмотрела прямо на Нелу — прямо на Миру.

— Оставь маршрут незавершённым. Утренний узел, линия двенадцать, назначение «домой». Он приведёт того, кто сможет изменить назначение сам.

На полях журнала проступили координаты: УМ-12, нулевая остановка, первый свет. Сев быстро записывал их, но его карандаш скрипел где-то очень далеко.

Лиора протянула руку к лампе.

— Не выключай, — сказала Нела.

— Если оставить свет, ты будешь ждать меня.

— А если погасить — забуду.

— Выбирай сама.

Здесь воспоминание раскололось.

В одной версии Нела погасила лампу. Лиора исчезла прежде, чем дверь закрылась. В другой Нела оставила свет и спросила, вернётся ли она. В третьей Лиора сама выключила лампу, а потом зачем-то снова зажгла. Версии наложились, и Мира уже не понимала, какая рука была её собственной.

Она дёрнулась назад, но диспетчерская не отпустила. В журнале опять не совпадало время. 22:18. 22:21. Нужно исправить. Нужно сверить. Нельзя заканчивать вечер с ошибкой.

Мира потянулась к карандашу.

Чужие пальцы сомкнулись на её запястье.

— Мира, назови срок, — сказал Сев.

Она видела его одновременно в башне и в отражении тёмного окна диспетчерской. В отражении Сев был взрослым диспетчером, которого Нела будто знала много лет.

— Пока время не совпадёт.

— Это не твои слова.

— В журнале ошибка.

— Дата записана. Я свидетель. Проверка закончена.

Тая положила обе ладони на светящуюся метку.

— Ты отказалась продолжать.

Мира вспомнила, как произносила это. Но воспоминание было слабее ощущения карандаша в руке и уверенности, что последний состав ещё не ушёл.

— Я отказалась, — повторила она.

Ничего не изменилось.

— Кому принадлежит вечер? — спросила Тая.

Перед глазами стояла Лиора. Мира могла разглядеть каждую каплю на её волосах. Она вдруг поняла, что помнит этот вечер лучше, чем собственное утро перед годовщиной. Помнит плащ матери, хотя никогда его не видела. Помнит шрам Нелы, хотя её ладонь была гладкой.

— Неле Сор.

— Кто сейчас отвечает?

— Я. Мира Лан.

— Что ты выбираешь?

Мира разжала пальцы. Карандаш упал на журнал и покатился через две несовместимые минуты.

— Не заканчивать за неё.

Диспетчерская вывернулась светом наружу.

Мира упала на колени у окна башни. Стекло вернулось, Нела стояла по другую сторону, а Сев всё ещё держал Миру за запястье. На бумаге темнели координаты и дата. Над ними он крупно написал: «ВИДЕЛА НЕЛА».

— Сколько? — спросила Мира.

— Пять минут двенадцать секунд.

— Нет. Сколько раз я проверяла журнал?

Сев помедлил.

— Четыре. Потом пыталась начать снова.

Мира посмотрела на свои пальцы. На большом пальце ей мерещился белый шрам. Она провела ногтем по коже и почувствовала боль там, где ничего не было.

— Лиора была в светлом плаще, — сказала она.

— Ты этого не знала, — ответил Сев.

— Теперь знаю.

— Теперь помнишь. Это не обязательно одно и то же.

Нела за стеклом стала чётче. Вокруг неё осталась одна диспетчерская, но лампа всё ещё то горела, то гасла.

— Ты получила доказательство, — сказала она. — Вынеси и остальное. Тогда я не исчезну.

Мира поднялась.

— Я получила свидетельство и ловушку. Не буду называть одно другим.

— Значит, оставишь меня здесь?

— Оставлю вам ваш вечер. Это не то же самое.

Нела отвернулась. Возможно, именно так закончилась их встреча с Лиорой. Возможно, чужая память уже подбирала знакомое продолжение.

Метка на руке Миры изменилась. Вместо линии к Слою Ноль появились три знака: УМ-12, нулевая остановка, первый свет. Под ними бежала тонкая красная нить, которой раньше не было.

Тая коснулась нити и отдёрнула руку.

— У неё есть взгляд с другой стороны.

— У Нелы?

— Нет. Кто-то смотрит туда, куда смотришь ты.

Мира закрыла глаза. Красная нить не исчезла. В темноте она увидела служебный коридор, а в нём — Роэна. Он стоял перед стеной наблюдения, прижав два пальца к собственному предплечью. На одном из экранов было лицо Сева, увиденное глазами Миры.

Роэн поднял голову, словно почувствовал её ответный взгляд.

— Связь временная, — сказал он через метку. — Но след уже есть.

Мира открыла глаза.

— Он видит через меня.

Сев сложил лист с координатами и убрал во внутренний карман.

— Тогда не смотри на бумагу.

За башней рухнул последний безымянный мост. До обнуления оставалось четыре минуты сорок секунд. В основании стены открылась дверь, а за ней тянулась улица, залитая ранним светом. По ней без людей двигались одинаковые тени, и каждая сворачивала в один и тот же переулок.

Мира шагнула к двери. Перед глазами снова вспыхнул чужой журнал: 22:18, 22:21. Она не могла сказать, действительно ли отпустила карандаш или лишь помнила, как это сделала Нела в одной из версий.

Красная нить нагрелась. Роэн увидел утреннюю улицу.

— Он знает, куда мы идём, — сказала Тая.

— Тогда нам придётся первыми решить, зачем, — ответила Мира.

Они вошли в мир утренних маршрутов. Позади Нела оставила лампу гореть — или погасила её. Мира помнила оба конца.

Глава 7. Город одного пути

Улица началась с остановки, на которой никто не ждал.

Под прозрачным навесом стояли одинаковые скамейки с забытыми вещами. Над ними горел круг первого света — бледный, как солнце сквозь закрытые веки. На табличке значилось: «УМ-12. Нулевая остановка».

— Пришли, — сказала Мира.

Красная нить на её руке пересекала несуществующий рельс и уходила в переулок.

До обнуления оставалось четыре минуты двадцать три секунды.

— Нет, — ответил Сев. — Пришли — это когда можно остановиться.

После слов Роэна Сев не смотрел на её руку. Он следил за тенями, отделявшимися от пустых дверей. Каждая несла сумку и чуть наклоняла голову, будто опаздывала ровно как вчера.

Тая подошла к скамейке с детской сумкой. На клапане было вышито солнце с девятью лучами.

— Не трогай, — сказала Мира.

Тая убрала руку прежде, чем успела коснуться ткани.

— Ты сказала это мне или той, кто оставила сумку?

— Тебе.

— Тогда назови причину.

Вместо двери за ними была гладкая стена с расписанием: первый маршрут — 06:10, последний — 06:10. Строки между ними пустовали.

— Потому что здесь всё хочет продолжить действие за человека.

— Это причина не трогать всё, — сказала Тая. — Так нельзя идти.

Сев коротко усмехнулся.

— Она права.

Мира злилась не на них. Роэн видел улицу её глазами, а координаты могла дать не Лиора, а чужая память. Времени не было, но именно спешку Архив превращал в согласие.

— Хорошо. Не трогай сумку, потому что мы не знаем, кому принадлежит маршрут. Если понадобится — решишь сама.

Тая кивнула. Ответ не повторился эхом. Значит, пока принадлежал ей.

Они пошли за красной нитью.

Переулок оказался длиннее дома. Слева повторялись двери булочной, мастерской и школы. Справа часы показывали 06:10, хотя секундные стрелки двигались.

На углу стоял дорожный указатель. «Центр» — прямо. «Домой» — назад. «По делам» — направо. Красная нить уходила прямо.

Мира свернула к центру.

Она успела сделать двенадцать шагов. На тринадцатом свет мигнул, и детская сумка со знакомым солнцем оказалась у её локтя.

Они снова стояли под навесом нулевой остановки.

— Три минуты пятьдесят восемь, — сказал Сев.

— Я шла по нити.

— Мы все шли.

Тая посмотрела на свои ноги.

— Я не помню возвращения.

— Потому что его не было, — сказала Мира. — Нас переписали в начало.

Она снова выбрала центр. На этот раз считала шаги и не отрывала взгляда от красной линии. Одиннадцать, двенадцать — и навес накрыл их ранним светом.

На скамейке теперь лежала раскрытая тетрадь. На первой странице чужой детский почерк вывел: «Если опоздала, начни сначала».

Мира захлопнула её.

— Не ты решала, трогать ли, — заметила Тая.

— Это другое.

— Потому что ты спешишь?

Мира хотела ответить, но Сев уже присел перед краем мостовой. Провёл пальцем над серой плиткой, не касаясь.

— Здесь нет переноса, — сказал он. — Мы возвращаемся с тем же пылом на обуви. И вещи меняются. Это не петля времени.

— Маршрут исправляет нас.

— Маршрут исправляет отклонение.

Одна тень прихрамывала, другая несла цветы, третья замирала у часов. Мир сохранял не одинаковых жителей, а единственный путь.

— Мама проходила здесь, — сказала Мира. — Нулевая остановка, первый свет. Она оставила маршрут незавершённым.

— И назвала назначение «домой», — напомнил Сев.

— На метке путь к центру.

— На указателе. Не на метке.

Красная нить обожгла кожу. В дальнем конце улицы на миг возник служебный коридор. Роэн стоял перед экраном и видел указатель вместе с ней.

Мира отвернулась.

— Он уже понял больше нас.

— Тогда дай ему увидеть что-нибудь бесполезное, — сказал Сев.

Она уставилась на бумажные цветы с бессмысленными буквами на лепестках.

— Три минуты двадцать одна, — сообщил Сев. — Попробуем не центр.

— Координаты ведут туда.

— Координаты привели на остановку. Дальше ты выбрала надпись.

— Потому что мать оставила путь.

— Ты не знаешь, что оставила его она.

Слова были верными и потому разозлили сильнее. Мира пошла направо, «по делам». Улица сузилась, пахло хлебом. Булочник-тень поднял ставню, трижды проверил засов. За поворотом показалась стеклянная арка.

Мира ускорилась.

Тая задержалась у витрины. За стеклом стояли фигурки детей с пустыми лицами. Одна держала солнце с девятью лучами.

— Не отставай, — бросила Мира.

Свет мигнул.

Нулевая остановка встретила их звоном несуществующего трамвая.

На скамейке лежала фигурка без лица.

— Я не отклонялась, — сказала Мира.

— Я отклонилась, — ответила Тая. — Ты решила, что мой путь обязан совпадать с твоим.

— Мы можем выяснить это после обнуления.

— После него меня может не быть.

На слове «меня» её черты дрогнули. На лице проступили глаза незнакомого мальчика, затем нос девочки с веснушками, затем снова собственное выбранное лицо Таи. Она прижала ладони к щекам, будто удерживала их.

Сев встал между ней и Мирой.

— Хватит вести нас как груз.

— Я веду к моей матери.

— Нет. Ты ведёшь к слову «центр», потому что боишься потерять ещё один след.

— А ты не боишься?

— Боюсь. Но моя боязнь не становится назначением для Таи.

Тени проходили сквозь их спор. Роэн готовил обнуление, Нела ждала свой вечер, Лиора просила не давать Архиву заканчивать за людей. Каждый путь называл себя единственным.

— Тогда предложи лучше, — сказала она Севу.

Не «помоги». Не «проверь». Слова вышли жёстко, но впервые она отдала ему решение целиком.

Сев посмотрел на расписание, на вещи, на указатель. Потом повернулся к Тае.

— Куда ты хотела у витрины?

— Посмотреть, кто держит солнце.

— Зачем?

— Девять лучей было на сумке. У детей в группе было девять ответов до того, как их стали повторять. Я хочу знать, это их знак или мой.

Мира сжала кулаки. До обнуления — меньше трёх минут. Но вопрос Таи был не остановкой. Он был её маршрутом.

— Значит, идём к витрине, — сказала она.

Сев покачал головой.

— Так мы снова назначим ей цель. Этот мир держит не улицы. Он держит утро: кого-то будят, кого-то отправляют, кого-то провожают. Действие одно, смысл прикреплён заранее.

Он снял с плеча ремень сумки и протянул Тае свободный конец.

— Я не веду тебя к центру. Я провожаю тебя туда, куда ты решила идти. Когда захочешь — отпустишь.

Тая не взяла ремень.

— Почему ты автор?

— Потому что это моё действие. Не твоё.

— Кто свидетель?

Сев посмотрел на Миру.

Она поняла не сразу. До сих пор свидетелем был он: вырослел на один выбор всякий раз, когда Мира делала что-то опасное, и получал запись о её решениях. Теперь роли поменялись.

— Я, — сказала Мира. — Свидетель: Мира Лан. Исполнитель и автор: Сев Рид. Назначение: проводить Таю к выбранному ею месту. Срок: до выхода из мира или пока Тая не откажется.

— А если откажусь я? — спросил Сев.

— Тогда остановимся и назначим заново. Без продолжения по умолчанию.

Тая взялась за ремень.

На указателе погасло слово «центр».

Красная нить на Мириной руке дёрнулась, как натянутая струна, и разделилась. Один конец по-прежнему уходил прямо. Второй лёг к ногам Таи и ждал.

— Я выбираю витрину, — сказала она.

Они пошли направо.

Булочник поднял ставню и впервые не стал проверять засов в третий раз. Одна из теней остановилась, посмотрела им вслед и свернула к мосту. Часы продолжали показывать 06:10, но секундные стрелки на них шли с разной скоростью.

У витрины Тая отпустила ремень.

— Стойте.

Мир не вернул их к остановке.

За стеклом девять безликих фигур держали одно солнце. Лучи входили в их ладони, но центр круга оставался пустым. Тая приложила палец к стеклу. На фигурках появились лица — не те, что плавали на её коже, а новые, едва намеченные.

— Это не их знак, — сказала она. — Это место, куда складывали ответы, когда уже забыли вопросы.

— Твой? — спросил Сев.

— Был ничей. Теперь я его помню. Это не то же самое, что владеть.

Она снова взялась за ремень.

— Теперь хочу к арке.

Сев двинулся только после того, как она потянула. Мира пошла рядом, а не впереди.

Красная нить к центру побледнела. Указатели стирались по букве. Мир не рушился, а освобождал место: ничто больше не доказывало, что единственное утро обязано повториться.

— Ты понял раньше меня, — сказала Мира.

— Я увидел ремень.

— Это не скромность. Это попытка не отвечать.

Сев помолчал.

— Хорошо. Я понял, потому что ты всё время говорила «мы идём», а решала «я веду». Архив любит такую разницу.

Мира ожидала укола, но почувствовала облегчение. Сев не был её запасной осторожностью. Он заметил то, чего не заметила она, и решение принадлежало ему не меньше, чем путь — Тае.

— Запомню, — сказала Мира.

— Лучше запиши с автором.

Она коснулась метки.

— Автор изменения назначения маршрута — Сев Рид.

Слова вспыхнули над кожей. Под ними возникло: «Исполнитель подтверждает». Сев приложил два пальца к своему предплечью. Затем появилась строка свидетеля. Мира подтвердила её.

Последней система спросила Тая: «Назначение принято получателем?»

— Нет, — сказала Тая.

Сев замер.

— Почему?

— Я не получатель. Я выбирающая.

Строка дрогнула. Слово исчезло. После долгой паузы Архив вывел: «Провожаемая подтверждает возможность отказа».

— Подтверждаю, — сказала Тая.

Стеклянная арка раскрылась.

За ней была платформа, куда сходились улицы, и прозрачная карта маршрутов. Среди них Мира увидела линию от УМ-12, обрывавшуюся здесь.

Рядом проступило имя: «Лиора Лан». Назначение: «домой». Состояние: «не завершено автором».

Мира шагнула к карте.

— Не смотри, — резко сказал Сев.

Поздно. Красная нить нагрелась, и служебный коридор открылся в Мирином зрении. Розн тоже увидел имя.

До обнуления оставалась минута двенадцать секунд.

Мира подняла руку к линии матери. Если коснуться, маршрут мог продолжиться. Если назначить ему новый конец — возможно, привести к Лиоре. Система уже однажды приняла Севово авторство.

Но строка говорила не «потеряно» и не «оборвано». Не завершено автором.

Лиора оставила путь открытым сама.

— Я не буду заканчивать, — сказала Мира.

Она коснулась не линии, а имени и добавила свидетельскую отметку: «Обнаружено. Без продолжения».

Карта приняла запись.

Маршрут Лиоры вспыхнул первым светом. Затем погас от остановки до платформы, участок за участком. Мира успела увидеть последнее ответвление — тонкий ход не к центру, а вниз, к служебным слоям. Координаты мелькнули и исчезли прежде, чем она смогла прочесть их вслух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.